

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

ДЖЕНА
ШОУОЛТЕР

Владыки Преисподней

ТЕМНАЯ
ЛОЖЬ

 HARLEQUIN®

Владыки Преисподней

Джена Шоуолтер

Темная ложь

«Центрполиграф»

2008

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Шоултер Д.

Темная ложь / Д. Шоултер — «Центрполиграф»,
2008 — (Владыки Преисподней)

ISBN 978-5-227-08206-0

Много веков назад двенадцать бессмертных воинов божественной стражи, украв и открыв ларец Пандоры, выпустили на свободу заточенное в него древнее зло. В наказание за это они вынуждены носить в себе демонов. Гидеон, бессмертный воин, одержимый демоном Лжи, испытывает тяжкие страдания всякий раз, когда говорит правду, и при этом способен безошибочно отличать истину от обмана. Однажды его собратья-воины доставляют в крепость пленницу по имени Скарлет, также одержимую демоном, и она называет себя женой Гидеона. Красавица и впрямь кажется ему смутно знакомой, но память его не сохранила ни того, как он женился на ней, ни близости с ней. Однако Гидеон очень хочет все вспомнить. Столь же сильно, как хочет ее саму. Ради будущего с ней он готов рискнуть всем. Однако правда оборачивается реальной угрозой его любви.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-08206-0

© Шоултер Д., 2008
© Центрполиграф, 2008

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	47
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Джена Шоултер

Темная ложь

Gena Showalter

THE DARKEST LIE

The Darkest Lie

Copyright © 2008 by Gena Showalter

«Темная ложь» © «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Пролог

Гидеон опустил взгляд и посмотрел на женщину, лежавшую в постели, на белье из небесно-голубого хлопка. Его жену. Может быть... Ее чувственное лицо обрамляли волосы цвета чернил, а длинные ресницы отбрасывали тени на щеки. Одна рука спящей с расслабленными пальцами, ногти на которых были покрыты синим лаком, блестящим в золотистом свете лампы, покоилась над ее головой. Женщина могла похвастаться идеальной формы и размера носом, упрямым подбородком и самыми пухлыми и яркими из всех, которые Гидеон когда-либо видел, губами. «А ее тело... О, боги... – пронеслось в его голове. – Может, именно из-за этих как будто созданных для греха изгибов она носит имя Скарлет?» Округлая грудь, нежный изгиб талии, женственные бедра, длинные стройные ноги... Спящая женщина, казалось, была создана для соблазна, для обольщения.

Гидеон не сомневался, что перед ним самая очаровательная из всех существующих женщин. Настоящая спящая красавица. «Только если я поцелую эту красавицу, – мысленно сказал он себе, – она сейчас же проснется». Воин удовлетворенно улыбнулся. Одного взгляда на эту женщину было достаточно для того, чтобы понять: под белоснежной кожей скрывается горячее пламя, способное погрузить мужчину в пучину страсти. Правда, большинство мужчин не подозревали, что, как и в Гидеоне, внутри Скарлет живет демон. «Разница в том, – подумал он, – что я заслужил своего демона, а она – нет».

Когда-то очень давно Гидеон помог друзьям украсть и открыть ларец Пандоры, и скрывавшееся в нем зло вырвалось наружу. «Да уж, – подумал он. – Это была ошибка». Сам Гидеон не считал ее такой уж фатальной. Но боги думали иначе и в наказание вселили в каждого из воинов по демону. В итоге и Гидеон, и его друзья обрели новых приятелей, таких как Смерть, Бедствие, Насилие, Болезнь и т. д. Правда, демонов оказалось больше, чем воинов, поэтому остальных боги решили вселить в бессмертных узников Тартара, места, где Скарлет провела всю свою жизнь. В итоге Гидеон стал одержим демоном Лжи, а Скарлет – демоном Ночных Кошмаров.

Гидеон всегда считал, что ему достался несчастливый жребий. Скарлет всего лишь спала как убитая и вторгалась в людские сны, а он не мог произнести ни одного правдивого слова, не испытав при этом ужасных страданий. Если Гидеон решался сказать красивой женщине о том, что она миловидна, он тотчас же падал в агонии. Страшная боль пронизывала все его тело, а по венам, казалось, текла кислота, лишая его сил, а то и воли к жизни. Вместо этого ему приходилось говорить, что встретившаяся ему женщина уродлива. Конечно, большинство представительниц прекрасного пола заливались слезами и бежали прочь от Гидеона. Зато у него сформировался иммунитет к женским слезам. «Но как поступит Скарлет? – спрашивал себя воин. – И тронут ли меня ее слезы?»

Гидеон протянул руку и провел пальцем по щеке спящей, ощутив нежную теплую кожу. «Вдруг я ей безразличен и она посмеется надо мной? Вдруг она попытается перерезать мне глотку? Поверит мне? Или назовет лжецом? А может, удерет, как и все остальные?» От одной мысли о том, что он может причинить Скарлет боль, разозлить ее или потерять, ему становилось не по себе.

Гидеон опустил руки и сжал кулаки. «Может, стоит сказать ей правду, похвалить ее?» – подумал он, хотя и знал, что не сделает этого. «Совершишь эту ошибку единожды, – говорил он себе, – значит, ты дурак. Решишь попытаться еще раз, и станешь доказательством теории Дарвина».

Однажды он совершил эту ошибку. Охотники, самые страшные враги Гидеона, поймали его и сказали, что убили Сабина – воина, одержимого демоном Сомнения, которого Гидеон любил как родного брата, ведь он мог врезать так сильно, как никто другой. В итоге Гидеон

сорвался и стал кричать, как ненавидит охотников и с каким удовольствием перебьет их всех. В правдивости каждого из этих слов Гидеон мог поклясться, и ему было безразлично, сколько лет или столетий уйдет на выполнение обещания. Он действительно собирался претворить свои угрозы в жизнь, и тотчас же понес наказание. Скорчившийся от нестерпимой боли на полу, он стал прекрасной мишенью, и охотники отвели на нем душу. Жестоко избив воина, они развлекались тем, что загоняли иглы ему под ногти, пытали током. Затем, вырезав у него на спине знак бесконечности – свой символ, отрубили Гидеону обе руки. Он всерьез думал, что ему пришел конец, но на выручку подоспел живой и невредимый Сабин, который, уложив, как водится, всех вокруг, освободил друга и отнес домой.

Немало воды утекло, прежде чем руки Гидеона полностью восстановились. Но когда это наконец случилось, воин горел жаждой мести, она стала для него самым важным делом. И вдруг его друзья поймали эту женщину, Скарлет, которая заявила, что Гидеон – ее муж, и его приоритеты слегка изменились. Воин не помнил ни ее саму, ни тем более их свадьбу, но ее образ, ее черты иногда возникали перед его мысленным взором на протяжении всех минувших тысячелетий. Почти каждый раз, переспав с женщиной, он не испытывал подлинного удовлетворения, потому что был переполнен желанием кого-то или чего-то, чему не мог найти имени. Поэтому утверждение Скарлет нельзя было запросто отместить, хотя Гидеон был бы рад это сделать – ему меньше всего хотелось жить с мыслью, что он покинул женщину, которую поклялся защищать, наслаждался другими, пока его жена страдала из-за того, что кто-то надругался над его памятью.

Он требовал от Скарлет объяснений, но она уперлась и больше ни слова не добавила к тому, что уже сказала. Как и когда они познакомились, любили ли друг друга, были ли счастливы в браке, почему расстались – все это оставалось для Гидеона покрыто тайной. Ее молчание он мог понять. Женщина жила в замке Владык в качестве заложницы. Гидеон не так давно сам побывал в плену у охотников и был столь же неразговорчив, даже когда ему рубили руки. После долгих размышлений он придумал, как развязать Скарлет язык, – надо увезти ее из крепости. Хотя бы ненадолго. Хотя бы до тех пор, пока он не получит ответы на все интересующие его вопросы.

Этим утром Гидеон привел свой план в исполнение. Пока его предполагаемая жена спала, полностью утратив связь с внешним миром, он похитил ее и перевез в отель в центре Будапешта. Теперь у него было все, чего он желал. Оставалось только дожидаться, когда Скарлет проснется...

Глава 1

Несколькими часами ранее...

«Ну что ж, поехали», – подумал преисполненный решимости Гидеон, шагая по недавно отремонтированным коридорам крепости. Демон Лжи довольно заурчал у него в голове. Им обоим нравилась Скарлет, хотя и по разным причинам. Гидеона привлекали ее внешность и острый язычок. А демон... что нравилось демону – оставалось тайной. Гидеон лишь знал, что тот урчит от удовольствия каждый раз, когда женщина открывает красивый, сулящий райское блаженство ротик. Обычно демон так реагировал на патологических лгунов, с той лишь разницей, что в данном случае он понятия не имел, врет Скарлет или говорит правду. Это, разумеется, злило Ложь, и свое раздражение он вымещал на носителе, цепляясь к каждому его слову, превращая его жизнь в ад. Теперь Гидеон не мог даже называть друзей их собственными именами.

Гидеону тоже не давал покоя вопрос о том, лжет ли Скарлет. И он прекрасно понимал всю иронию происходящего: человек, который не в силах сказать ни слова правды, переживает, что ему, возможно, пытаются навешать на уши лапши. «И все же, – рассуждал Гидеон, – были ли мы супругами? Если я не получу ответа, то сойду с ума, ломая голову над этой загадкой». Когда женщина в очередной раз оставила без внимания его требование рассказать их историю, воин решил перейти от слов к делу. Быть может, если он разыграет перед ней освободителя, она доверится ему и все выложит.

«Ну вот... – подумал воин. – Опять я начинаю выходить из себя».

– Ты не можешь этого сделать, Гид, – сказал Страйдер, одержимый демоном Поражения, внезапно возникнув около него.

«О нет! Кто угодно, только не он», – подумал Гидеон.

Страйдер не мог отклонить ни одного вызова, а приняв, должен был выйти победителем, иначе страдал так же, как Гидеон, говоря правду. Это касалось абсолютно всего, включая поединков на Хбох, чем бесстыдно пользовался Гидеон, когда хотел отвлечься и разработать заново обретенные пальцы. Не считая видеоигр, эти двое всегда и во всем прикрывали и подстраховывали друг друга, поэтому Гидеон почти не удивился появлению друга, намеренного спасти его от него же самого.

– Она опасна, – добавил Страйдер. – Ходячий клинок в сердце.

Страйдер знал, о чем говорит. Скарлет проникала в чужие сны, сталкивала спящих с их самыми потаенными страхами и питалась их ужасом. Пару недель назад она провернула это с ним, Гидеоном, – напустила на него во сне пауков. Воина передернуло от воспоминания о маленьких мохнатых тварях, ползающих по нему. «Подумать только, бесчисленное число раз я грудью бросался на мечи неприятеля, а тут всего лишь пауки... – подумал он. Его снова передернуло. – О нет, пауки – это намного хуже мечей неприятеля». Гидеон точно знал, что у этих тварей на уме, когда их блестящие глазки-бусины останавливались на нем: «Ням-ням!» То, почему Скарлет не вторгалась в сны других обитателей крепости, интересовало Гидеона не меньше, чем их «брак». Если оставить за скобками обещание растерзать их всех на лоскуты, которое она вполне могла выполнить, женщина не беспокоила ни воинов, ни их женщин.

– Черт возьми! Перестань меня игнорировать! – прорычал Страйдер и, едва они минули закрытую дверь одной из спален, пробил кулаком дыру в серебристо-сером камне стены. – Ты ведь знаешь, что мой демон этого не любит.

В воздух взвилось облачко пыли и кирпичной крошки, эхо разнесло звук удара по коридорам замка. «Прекрасно... Сейчас все повскакивают и побегут выяснять, что случилось, – пронеслось в голове Гидеона. – А может, и нет». Учитывая темперамент здешних жильцов (все-

гда можно было сделать вид, будто виной тому излишки тестостерона), неожиданным громким звукам в крепости никто особо не удивлялся.

– Не извиняй. – Гидеон глянул на друга.

Страйдер был обладателем белокурых волос, синих глаз и обманчиво невинных черт лица, которые, как ни странно, необычайно шли к его рослой фигуре и крепким мускулам. Многие женщины утверждали, что он «красив по-американски», что бы это ни значило. Те же дамы обычно избегали даже смотреть на Гидеона, будто опасаясь, что один взгляд на его татуировки и пирсинг очернит их души. Не исключено, что они в чем-то были правы.

– Но ты все прекрасно понимаешь. Я не могу сделать этого.

В переводе слова Гидеона означали: «Извини, но ты ошибаешься. Я еще как могу это сделать». Все обитатели крепости, коих, с тех пор как его друзья встретили своих «единственных и неповторимых», было немало, свободно владели наречием Гидеона, каждую фразу которого следовало понимать наоборот.

– Ладно, – резко сказал Страйдер. – Ты можешь. Но не сделаешь. Потому что знаешь: если ты увезешь женщину из замка, то я поседею от беспокойства, а ты этого не хочешь, так как считаешь, что мои волосы хороши такими, какие они есть.

– Ты что же это, пытаешься разозлить меня? Хочешь, чтобы я запустил пальцы в твои редкие тусклые лохмы?

– Придурок, – проворчал Страйдер, но его недовольство значительно поумерилось.

Гидеон усмехнулся:

– А ты – милашечка.

Страйдер не смог сдержать улыбку.

– Ты ведь знаешь, что я терпеть не могу, когда ты становишься таким омерзительно слюнявым.

На самом деле Страйдеру это жутко нравилось.

Они завернули за угол и миновали одну из многочисленных гостиных. В комнате никого не было. В столь ранний час большинство воинов еще нежились в постелях, возле своих женщин, если, конечно, не случалось чего-нибудь из ряда вон выходящего. Гидеон обвел взглядом помещение. Стены комнаты были обильно и беспорядочно украшены портретами обнаженных людей – их развесила богиня анархии, чье ядовитое чувство юмора не уступало Гидеону. Помимо этого, интерьер гостиной составляли красные кожаные кресла (Рейес, одержимый демоном Боли, иногда резал себя, чтобы усмирить демона, поэтому красный был очень кстати), книжные полки (Парис, одержимый демоном Разврата, обожал любовные романы) и странные серебряные лампы, которые причудливо обвивали кресла (Гидеон не имел представления, кто ими пользовался). Повсюду были расставлены вазы со свежими цветами, наполнявшими гостиную чудесным сладким ароматом (опять же воин не имел понятия, чьи они, но считал, что пахнут цветы прекрасно). Воин с жадностью втянул в себя благоухание и ощутил жгучий укол совести: в то время как он окружен роскошью, его предполагаемая жена гниет в подземелье. Перед этим она провела многие тысячи лет в Тартаре, так что с его стороны вдвойне жестоко было бросить ее там, внизу. В самом деле, какой мужчина допустил бы такое? Только моральный урод, и он, Гидеон, явно может считаться королем таковых. В конце концов, получив ответы на свои вопросы, он собирался снова упрятать женщину в застенки, на сей раз уже насовсем, даже если окажется, что она и правда ему жена, вернее, когда-то была ею.

«Я ужасный человек», – с горечью подумал Гидеон.

Ее нельзя было освободить – она, вернее, ее способность представляла слишком большую опасность: умерев в кошмарном сне Скарлет, человек уже не просыпался. Невероятно, но факт. Это был конец, самый настоящий. Реши она вдруг встать на сторону охотников – а этого нельзя было исключать («Ох уж эти неразумные женщины», – ворчал про себя Гидеон), Владыки

лишились бы спокойного сна, а перестав отдыхать, очень быстро превратились бы в рыкающих зверей. Яркий тому пример – Гидеон, который неделями почти не спал.

«Медленнее, – велел демон. – Ты идешь слишком быстро».

Обычно Ложь молчаливо наблюдал за происходящим из глубин сознания воина и подавал голос лишь тогда, когда речь шла о чем-то, без чего демон никак не мог обойтись. Но даже в этих случаях ему приходилось говорить обратное тому, что он хотел. И сейчас демон просил, чтобы Гидеон быстрее спустился к Скарлет.

«Дай мне крылья, и я буду у нее через минуту», – сухо парировал воин, но шаг все-таки ускорил. В мыслях Гидеон мог быть честен с собой и с демоном, чем всегда пользовался. В свое время ему пришлось отчаянно побороться за это право – право думать так, как он чувствует. Когда в него вселился демон, его душу и разум наполнили тьма и хаос, он стал рабом своего нового спутника и его жестоких желаний. Он мучил смертных, чтобы слышать, как они кричат, сжигал дома вместе с их обитателями, убивал без разбору, потешаясь над своими жертвами. По прошествии нескольких сотен лет Гидеон все же прорвался назад к свету. Теперь он был хозяином положения, и ему даже удалось отчасти приручить демона.

Страйдер тяжело вздохнул, и этот вздох вырвал Гидеона из его мыслей.

– Гидеон, приятель, послушай меня. Я уже говорил это, но повторяю снова. Ты не можешь увести женщину из замка. Она убежит от тебя, и ты это отлично знаешь. Охотники рыскают по городу. Что будет, если она попадется им в лапы? Они ее завербуют, используют. А если она откажется им помогать, причинят ей боль, изувечат, как искалечили тебя.

По словам Страйдера, получалось, что Гидеон не способен пару дней приглядеть за хитрой дамочкой. А это было совсем не так. Он отлично знал, как надирать задницы и развязывать языки. К тому же Страйдер полагал, будто Гидеон не сможет найти ее, если она в самом деле удерет. И наконец, Страйдер, вероятно, был совершенно прав, но это ни в коей мере не смягчило охватившее Гидеона раздражение. «Может, я, черт возьми, и не такой вкрадчивый сердцеед, как Страйдер, но кое-что по этой части все-таки умею!»

Кроме того, Скарлет тоже была бессмертной воительницей. Она умела создавать вокруг себя тьму, непроницаемую для глаз ни человека, ни бога, которую не мог рассеять ни один светильник. Поэтому упустить ее будет не таким уж и позором... «Но я не упущу ее, – сказал себе Гидеон. – Кто вообще сказал, что она захочет сбежать? Я доставлю ей такое наслаждение, что у нее и мысли подобной не возникнет». Он собирался соблазнить Скарлет и считал, что это будет совсем несложно, ведь она наверняка когда-то очень любила его, раз вышла за него замуж. «Вышла ли?.. – снова спросил себя Гидеон. – Вот черт!»

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказал Страйдер, еще раз вздохнув. – Пусть убегает. Что с того? Убежит – поймает.

– Не угадал.

– А что с ней будет, пока ты станешь ее искать? Днем она беззащитна. Если тебя не окажется рядом, кто о ней позаботится?

«Дьявол! Хороший довод», – подумал Гидеон. Под влиянием своего демона в дневные часы Скарлет спала мертвым сном, и до заката никто и ничто не могло ее разбудить. Воин узнал об этом случайно. Однажды, спустившись в камеру, он попытался вывести женщину из забытья, но, как ни тряс ее (удивительно, что у нее не оторвалась голова), ничего не добился. Каково же было его удивление, когда через несколько часов она как ни в чем не бывало открыла глаза и потянулась. Эта особенность Скарлет тоже интриговала Гидеона и порождала массу вопросов. Почему ее демон спит днем, когда люди вокруг бодрствуют? Ведь логика ночных кошмаров в том, что они бывают только по ночам... Что происходит, когда Скарлет путешествует и оказывается в другом часовом поясе?

– Нам повезло, что мы вовремя нашли ее, – продолжал Страйдер. – Если бы не ангел Аэрона, мы все погибли бы, пытаясь защитить ее. Глупо и опасно выпускать ее на свободу... какие бы на то ни были причины...

– Ты уже не говорил этого, – возразил Гидеон, подразумевая, что друг уже бесчисленное число раз упоминал об этом. – К тому же Оливия по-прежнему не с нами. И не поможет нам, случись что. А теперь, дружище, я не люблю тебя, но, пожалуйста, продолжай говорить. – Все это значило, что Оливия оставалась с ними и, если что-то пойдет не так, могла помочь, а сам Гидеон просит друга наконец заткнуться, хотя и очень любит его.

Страйдер раздраженно зарычал. Друзья спускались по ступенькам, ведущим в подземелье. Здесь уже не было витражей, по обе стороны тянулись мрачные, выщербленные каменные стены, тут и там заляпанные кровью. Воздух стал затхлым, в нем чувствовались запахи пота, мочи и крови. Слава богу, этот смрад исходил не от Скарлет, в противном случае Гидеона совсем dokonало бы чувство вины. К счастью (но далеко не для всех), она была не единственной узницей в этих застенках: в соседних камерах в ожидании допроса (точнее, пыток) сидели несколько охотников.

– Что, если она тебе соврала? – спросил Страйдер. Он не знал, когда остановиться, вернее – не мог.

Гидеон прекрасно понимал это и лишь поэтому, вместо того чтобы, по-быстрому вырубив друга, убежать, продолжал спокойно идти рядом с ним.

– Что, если она никакая тебе не жена?

Гидеон фыркнул и напомнил:

– Забыл тебе сказать: отделять ложь от правды – для меня непосильная задача.

– Да, но еще ты говорил, что с ней это не работает.

«У одного из нас очень хорошая память... даже чересчур хорошая», – подумал Гидеон.

– Она никак не может быть моей женой, – сказал он, имея в виду, что вероятность невелика, но все же она есть. – Поэтому я не должен сделать это.

Когда Скарлет впервые проникла в сон Гидеона и попросила спуститься к ней, он тут же ринулся на зов – ему до смерти хотелось увидеть ее. С тех пор как женщина появилась в замке, все мысли воина были о ней, словно часть его узнала ее на каком-то подсознательном, интуитивном уровне. Когда же Скарлет заявила, что они целовались, занимались любовью и даже сыграли свадьбу, та же часть его довольно заурчала. Но как Гидеон ни старался, он так и не смог вспомнить Скарлет... «Почему? Почему я ее не помню?» – снова и снова спрашивал он себя.

По зрелом размышлении у него родилось несколько версий. Во-первых, боги могли стереть ему память. «Но зачем им это понадобилось? И почему они тогда не сделали так, чтобы Скарлет тоже меня забыла?» Во-вторых, Гидеон сам мог подавить свои воспоминания о ней. Но опять же он не понимал, зачем и, главное, как сделал это. В его жизни была уйма такого, о чем он действительно с радостью бы забыл. В-третьих, его память мог каким-то образом стереть демон, когда вселился в него. Но если это так, то он не должен был помнить свою жизнь на небесах, ту, которую вел, когда был слугой Зевса, призванным каждодневно охранять царя богов.

Они со Страйдером остановились напротив камеры, где на протяжении нескольких последних недель находилась Скарлет. Как и ожидал Гидеон, она мирно спала на походной раскладушке. Каждый раз, когда он спускался сюда и видел ее, у него перехватывало дыхание. Так произошло и теперь. «Какая красавица! – подумал он. – Но... моя ли? Да и хочу ли я, собственно, чтобы она была моей?.. Нет, определенно нет. Это так все усложнит... А впрочем...» По крайней мере, Гидеон позаботился о том, чтобы девушка содержалась в чистоте и сытости. Три раза за ночь в камеру приносили горячую пищу, и у нее всегда было много воды, как питьевой, так и для мытья. Гидеон думал, что обязательно проследит, чтобы Скарлет, вер-

нувшись в камеру, снова могла пользоваться всеми этими удобствами. «Пусть и за это спасибо скажет», – размышлял он.

«Медленнее! – взвыл демон Лжи, мечась у него в черепной коробке. – Медленнее!»

«Сейчас, приятель, сейчас», – мысленно отозвался Гидеон, но продолжил стоять, точно каменный, упиваясь мгновением, которого, казалось, он ждал всю жизнь. «Упиваясь мгновением? – пронеслось в его голове. – Фу! Я и правда превращаюсь в бабу».

«Еще немного, и у тебя встанет! Смотри в сторону!» – велел себе воин. Это прозвучало уже чуть по-мужски, чему он был несказанно рад. Гидеон медленно отвел взгляд от Скарлет. Каменные стены ее узилища были совершенно глухими: без окошек или тем более проходов в соседние камеры, а это означает, что она не видела никого из охотников, томящихся по соседству. Хотя вообще-то Гидеона мало волновало, видит она их или нет, главное – они не видят ее. Да, он, несмотря ни на что, хотел, чтобы она принадлежала ему одному, по крайней мере сейчас.

Что касается охотников, то при появлении воинов они тут же перестали переговариваться и укрылись в сумрачных недрах своих камер. Воцарилась такая гробовая тишина, что можно было подумать, будто от ужаса (вдруг пришли за кем-то из них) узники перестали дышать. Гидеону нравилось, что враги боятся его. Ведь им действительно было чего опасаться. Охотники ловили и насиловали ни в чем не повинных бессмертных женщин, чтобы родились дети-полукровки, которые, если им с малолетства привить ненависть к Гидеону и его друзьям, вырастут и станут грозным оружием в борьбе с ними. Обретя таких могущественных союзников, охотники сумеют раньше Владык найти ларец Пандоры и с его помощью отделить демонов от их хозяев, что неминуемо убьет последних, ибо люди и духи составляли единое целое. Это было частью наказания воинов за то, что они открыли дурацкий ларец.

Трясущейся рукой с негнущимися пальцами Гидеон достал из кармана ключ от камеры Скарлет и поднес его к замку.

– Подожди, – остановил его Страйдер, ухватив за плечо.

Гидеон не стал стряхивать руку друга – пусть тот думает, что этот маленький поединок характеров остался за ним.

– Ты можешь поговорить с ней здесь.

«Нет, не могу, – мысленно ответил ему Гидеон. – Мы тут не одни, а это значит, что Скарлет будет напряжена и ни за что не подпустит меня к себе». В то же время воину до смерти хотелось прикоснуться к ней. Кроме того, тактильный контакт – единственное средство обольщения, имевшееся у него в арсенале. Гидеон знал: глупо надеяться соблазнить девушку рассказами о том, какая она уродина и чего он не хочет с ней сделать...

– Не расслабляйся, дружище! – произнес он вслух. – Я же не говорил тебе сотни раз, что, как только узнаю правду, тут же верну ее назад. Идет?

– Если ты сможешь ее вернуть. Об этом мы тоже уже говорили, и не раз. Помнишь?

«Еще бы не помнить...» – подумал Гидеон и сказал:

– Я не буду осторожен! Не клянусь тебе! Но я действительно не должен выяснить правду. Это совсем не важно для меня.

Рука Страйдера по-прежнему стальной хваткой сдавливала плечо друга.

– Ты выбрал неудачное время, чтобы покинуть замок, – прибегнул он к последнему доводу. – У нас целых три артефакта, и Гален злой как черт. Он вот-вот выкинет какую-нибудь гадость в отместку за третью реликвию, помани мое слово.

Главарь охотников Гален вышел из среды бессмертных воинов и тоже носил в себе демона – Надежду. Смертные последователи, плененные его ангельской внешностью, помноженной на чары живущего в нем создания, искренне полагали, что он и в самом деле ангел. Именно Гален внушил им, что Владыки виновны во всем зле на свете и что они, охотники, призваны избавить мир от этого зла и, не щадя живота своего, бороться за лучшее будущее.

Третий артефакт – Плащ Невидимости – попал в руки этого самозваного ангела, но новая подруга Аэрона Оливия, которая была настоящим ангелом в буквальном смысле этого слова, украла его. Поскольку для того, чтобы найти ларец Пандоры, нужно было собрать вместе четыре божественных артефакта – Всевидящее Око, Клеть Принуждения, Плащ Невидимости, которые у воинов уже были, и Жезл Разделения, который они собирались вскоре найти, Гален жаждал вернуть Плащ, а в придачу к нему заполучить и все прочие артефакты. А это означало, что столкновения между охотниками и Владыками в ближайшее время участятся. «Впрочем, не важно», – решительно думал Гидеон. Ничто не могло заставить его отказаться от задуманного, в первую очередь потому, что в глубине души ему казалось, будто от этого зависит его жизнь.

– Гид... Дружище... – снова начал Страйдер.

Глаза Гидеона превратились в щелочки.

– Ты напрашиваешься на поцелуй, – прорычал он, имея в виду, что вот-вот пустит в ход кулаки.

Повисла гнетущая тишина.

– Ладно, – наконец проворчал Страйдер и поднял руки с растопыренными пальцами. – Забирай ее.

«О господи...» – пронеслось в голове Гидеона.

– Я и не собирался, но огромное спасибо за разрешение.

«Но почему Страйдер с воплями не рухнул на землю? – мысленно спросил он себя. – Он ведь только что потерпел поражение...»

– Когда ты вернешься? – поинтересовался Страйдер.

Гидеон пожал плечами:

– Не через неделю, наверное, где-то так...

Он считал, что семи дней будет более чем достаточно для того, чтобы Скарлет смягчилась и рассказала об их прошлом. Сейчас она ненавидела его до дрожи. Гидеон не знал причины этого, но дал себе слово, что все выяснит. «Эта дамочка явно предпочитает опасных мужчин, иначе никогда бы не вышла за меня замуж, – рассуждал он. – Так что у меня есть все шансы на успех».

– Три дня, – отчеканил Страйдер.

«Ага. Пошли торги... – подумал Гидеон. – Так вот почему демон никак не проявил себя: Страйдер не проиграл, а всего лишь изменил тактику. Мне следовало сразу догадаться». На самом деле ему было очень стыдно перед друзьями за то, что он их бросает, совесть мучила его не меньше, чем из-за Скарлет. Он был нужен им и понимал, что если, пока его не будет, с ними что-нибудь случится, то он сойдет с ума от горя и чувства вины.

– Давай хотя бы не пять, – предложил Гидеон.

– Четыре.

– Не идет.

Страйдер улыбнулся и кивнул:

– Отлично.

«Итак, у меня четыре дня, чтобы смягчить Скарлет, – подумал воин. – Я выигрывал и более сложные поединки за меньшее время...» Но, как ни странно, ни одного конкретного случая Гидеон припомнить не смог. «Вот черт! Может, у меня просто частичная потеря памяти? – рассеянно подумал он. – И больше всего пострадали как раз воспоминания о битвах и поединках, ведь семейная жизнь со Скарлет, наверное, была тем еще поединком, учитывая ее характер... Зато секс, очевидно, был потрясающим...»

– Я скажу остальным, – снова заговорил Страйдер. – Но прежде отвезу вас в город.

– Давай! – Гидеон вставил ключ в скважину, несколько раз провернул, и дверь, скрипнув петлями, распахнулась. – Я не отвезу ее сам. Пусть все знают, где мы будем.

Страйдер снова зарычал, но на этот раз не просто раздраженно, а со злостью.

– Упрямый осел! Если я сам не удостоверюсь, что вы благополучно добрались до места, то изведусь от беспокойства. Ты же знаешь о моей диете: каждый день – по охотнику, а мне будет не до них.

– Именно поэтому я и не позвоню тебе, когда мы обустроимся.

Гидеон подошел к спящей. Первое время Скарлет, засыпая, окружала себя непроницаемой тьмой, но потом перестала делать это, будто хотела, чтобы Гидеон смотрел и видел ее, доверяла ему и знала, что он ее не обидит. По крайней мере, так он сам объяснял ее поведение.

– О боже, поверить не могу, что ты уговорил меня на такое! – сказал Страйдер. – Я уже говорил тебе, что ты придурок?

– Нет. – Воин бережно поднял Скарлет на руки.

Женщина вздохнула и потерлась щекой о его грудь, как раз там, где было сердце, которое колотилось о ребра, точно отбойный молоток. Должно быть, ей нравился этот неровный, сумасшедший перестук, поскольку она еще теснее прижалась к груди воина. «Скарлет такая милая...» – невольно подумал Гидеон. Невысокая, изящная, она могла похвастать красивым, подтянутым, умеренно рельефным телом. Воин предлагал ей переодеться, но она предпочла остаться в старой одежде – футболке и джинсах, которые были на ней, когда ее нашел Аэрон. Гидеон жадно втянул в себя воздух и почувствовал цветочный аромат, который совершенно заморозил его. «Интересно, как она пахла много лет назад, когда мы были вместе? – спросил себя воин. – Тоже цветами? Или чем-то другим, более экзотическим? Чем-то столь же темным и чувственным, как и она сама? Таким, чем я упивался, что вгоняло меня в экстаз, когда я облизывал ее с головы до пят? Что за пошлятина лезет мне в голову? Сейчас совсем не время для таких мыслей».

Гидеон повернулся, бережно прижимая к себе Скарлет – сокровище, которое он собирался оберегать как зеницу ока даже от собственных друзей, пока они не вернутся в замок. Он понимал, что противоречит самому себе, размышляя о ней в столь романтических выражениях, тогда как его намерения были самыми что ни на есть приземленными и даже низменными, но ничего не мог с собой поделать. Страйдер смотрел на него хмуро, но явно смирившись с происходящим.

– Иди. И будь осторожен, – напутствовал он.

«О боги, до чего же я люблю своих друзей! – размышлял Гидеон. – Что бы ни случилось, они никогда не отказывают мне в поддержке. А впрочем, есть ли у них выбор?»

– Ты сейчас выглядишь как кот, которому налили полную миску молока, – проворчал Страйдер, качая головой. – Это тревожный знак. Ты, видимо, плохо себе представляешь, во что ты ввязываешься...

«Может, и так», – подумал Гидеон. Он точно знал одно: что-то вызывает в нем такое нетерпение, такой накал всех чувств впервые за многие столетия.

– Ты знаешь, что я сейчас мысленно не показываю тебе палец.

– Знаю, – признался Страйдер. – Указательный. И это означает, что я для тебя всегда номер один.

Гидеон рассмеялся. «Типа того», – ответил он про себя.

– Четыре дня, – напомнил Страйдер. – Потом я начну тебя искать.

Гидеон послал другу воздушный поцелуй, а тот в ответ закатил глаза.

– Делай как знаешь, но послушай меня, – сказал Страйдер. – Я буду молиться, чтобы ты вернулся живым и с женщиной, тоже живой. А еще чтобы ты остался доволен тем, что узнаешь. И чтобы ты за это время наелся ею досыта и выкинул из головы раз и навсегда, как это бывает со всеми твоими женщинами.

«Ого! Сколько желаний!» – подумал Гидеон.

– Не благодарю! – ответил он. – Нет, я шучу. С каких это пор ты не подался в священники? И с каких это пор боги не стали утруждать себя выполнением наших просьб?

Страйдер никогда раньше не тратил время на молитвы, а боги, как правило, плевать хотели на Владык и их просьбы. «Впрочем, нет, не совсем так», – поправил себя Гидеон. Кронос, воцарившись на небесах, полюбил навещать в замок без приглашения и отдавать воинам приказания, от которых у тех волосы на голове шевелились: убить ни в чем не повинных смертных, выбрать, кому жить – твоему другу или любимой женщине, – словом, одно повеление хуже другого.

Однажды, когда Аэрон лишился головы (было и такое), Гидеон и остальные со слезами на глазах заклинали царя богов указать, где искать душу их друга, но, как они ни умоляли, как ни упрашивали, Кронос был неумолим. Свой отказ помочь он обосновал так: «Я унижаю вас не из злобы, а чтобы преподать урок. Вы в нем очень нуждаетесь». Позже Аэрон вернулся сам, хотя, если бы не Оливия, еще неизвестно, как бы все обернулось, – его душа воссоединилась с телом, и все вернулось на круги своя с той лишь разницей, что он больше не был одержим. Но Гидеон так и не простил Кроноса за то, что в трудной ситуации тот бросил их на произвол судьбы, поэтому молиться в ближайшем будущем он явно не собирался.

– Священником... – задумчиво протянул Страйдер, склонив голову набок. Естественно, вопросы Гидеона остались без ответа, на что тот, впрочем, совершенно не обиделся. – А знаешь, это ведь почти правда: я в самом деле провел уйму женщин сквозь райские врата.

«А я разве нет, что ли? – мысленно парировал Гидеон. – Вот и со Скарлет будет так же». От этой мысли на его лице заиграла широкая улыбка, и он двинулся прочь из подземелья, крепко держа свою ношу.

Глава 2

Скарлет открыла глаза и рывком села в кровати. Впрочем, она всегда так просыпалась. Когда время, которое демону нужно было провести в царстве Морфея, заканчивалось, к ней мгновенно и в полном объеме возвращалось сознание, будто кто-то переключал у нее в голове невидимый рубильник. Тяжело дыша и обливаясь потом, она подсакивала на постели и принималась вертеть головой, обводя шальным взглядом пока еще ничего не видящих глаз пространство вокруг. Если крики спящих, которых она и демон Ночных Кошмаров до этого пугали, по пробуждении сразу забывались, то образы, которые они навязывали своим жертвам, еще какое-то время стояли у нее перед глазами. В этот раз, например, это были пламя, пожиравшее все вокруг, обугленные останки человеческих тел, черный пепел, танцующий на ветру. Когда Скарлет спала, демон был ей совершенно неподвластен: он отправлялся туда, куда хотел, мучил того, кого хотел и как хотел, но она могла попросить его напасть на кого-то конкретного и показать ему что-то определенное, и, как правило, дух охотно шел ей навстречу.

Впрочем, в последнее время женщине было не до того. С тех пор как она оказалась в замке, все ее мысли были о Гидеоне, об этом красивом несносном воине с синими волосами. «Почему он меня не помнит?» – снова и снова спрашивала себя она, до боли стискивая кулаки и зубы. Вся эта история с частичной потерей памяти приводила Скарлет в бешенство, и порой гнев достигал такой силы, что ей отчаянно хотелось убивать. Тогда она говорила себе: «Когда ты злишься, ты опасна для окружающих. Успокойся. Подумай о чем-нибудь другом» – и волевым усилием возвращала свои мысли к демону. Увы, смерть и хаос были гораздо менее волнующими темами, чем бывший муж. Часы бодрствования она часто заполняла тем, что вызывала тьму и пугала людей, иногда по собственной воле, иногда потакая желанию своего демона. «Сделай так, чтобы у него сердце в пятки ушло... Сделай так, чтобы она охрипла от крика...» – диктовал он, и Скарлет делала, ведь, в конце концов, долг платежом красен: он внимателен к ней, она внимательна к нему.

Скарлет проснулась и с удивлением отметила, что демон подозрительно доволен и чему-то очень рад.

«Мы уже не в подземелье», – шепнул он ей.

«А, тогда все понятно. – Языки пламени в ее сознании наконец угасли, и Скарлет осмотрелась. – Так. Ладно. Ну и где же я сейчас?»

Она провела в подземелье несколько недель, за которые крошащийся серый камень стен, железные решетки, жалобные стоны, несущиеся из соседних камер, и едкий смрад стали ее лучшими друзьями и постоянными спутниками. Теперь все вокруг выглядело очень опрятно и красиво. Стены покрывали обои с цветочным орнаментом, окна были завешены темными бархатными гардинами, над кроватью висело симпатичное бра с плафоном в форме виноградной грозди, источавшее мягкий, приятный свет. «А кровать, – пронеслось в голове женщины. – Кровать...» Скарлет жадно исследовала глазами огромное ложе, покрытое мягкими голубыми простынями, и нависающий над ним роскошный балдахин. Но приятнее всего был воздух – сладкий, с нотками винограда, яблок и ванили. Женщина сделала глубокий, жадный вдох. «Как я здесь оказалась?» – спросила себя она. Было понятно, что кто-то увез ее из замка, пока она спала как убитая.

Хотя Скарлет не могла злиться на своего освободителя, ведь она так мечтала о воле, ей совершенно не нравилось то, что с ней могли сделать абсолютно все, причем без ее ведома. Это было большой проблемой. Когда они с демоном блуждали по стране Морфея, этому причудливому, мрачному царству, в котором нарушены причинно-следственные связи и ничего нельзя знать наверняка, в поисках тех, кто спит, – а такие люди всегда где-нибудь, пусть даже в другой части света, обязательно находились, – внешний мир представлял для женщины огром-

ную опасность. Реши кто-нибудь напасть на нее, искалечить, похитить или даже убить, ни воспротивиться, ни защитить себя она не могла. Чтобы не допустить этого, отходя ко сну, Скарлет обычно окружала себя тенями, которые весь день оберегали ее от чужих взглядов. Однако, оказавшись в одних стенах с Гидеоном, она перестала это делать. Возможно, подсознательно женщина надеялась, что, увидев ее спящей, он все вспомнит. Ей очень хотелось, чтобы муж снова в нее влюбился, ухаживал за ней, молил о том, чтобы стать частью ее новой жизни. «Какой вздор! – негодовала она на саму себя. – Этот ублюдок бросил тебя, оставил гнить в Тартаре! Какие ухаживания? Пусть он лучше сдохнет!»

– Так-так, кто это тут у нас не проснулся? – произнес кто-то рядом.

Услышав этот низкий, грудной голос, который нельзя было спутать ни с одним другим, его голос, Скарлет напряглась и снова завертела головой. Мгновение спустя их взгляды встретились, и ее сердце замерло. Гидеон стоял в дверях ванной комнаты, привалившись к косяку и свободно опустив вдоль тела мускулистые руки, – словом, в самой что ни на есть расслабленной позе, которая так плохо вязалась с выражением его красивого лица, обещающего дивные ночи, полные грешных наслаждений, и глаз, сияющих предвкушением. Некогда он был любимым мужем, а потом стал человеком, достойным лишь презрения. Внезапно сердце женщины снова сорвалось с места, стремительно набирая скорость, а кровь в венах вскипела. Ровно так же повело себя ее тело, когда они впервые встретились много тысяч лет назад.

«В этом нет моей вины. Не было тогда, нет и сейчас», – печально подумала Скарлет.

Никогда в жизни не встречала она мужчины обаятельнее Гидеона, в облике и манерах которого причудливым образом переплелись черты дьявола и ангела. А как он держался с женщинами... точно предостерегая их об опасностях, которые грозят им, если они поддадутся его чарам. Но тем, как правило, было наплевать – они все равно кидались в омут с головой. То же случилось и со Скарлет: она чувствовала, что с ним будет непросто, но это не отталкивало ее, а, напротив, привлекало. Сейчас на Гидеоне красовались черная футболка с надписью You Know You Want Me¹ и черные, слегка мешковатые джинсы, которые поддерживал серебристый ремень, сделанный в виде цепи. Его лицо было усеяно пирсингом, особенно бросалось в глаза колечко в губе, тоже серебряное. «Наверное, он подбирал его, чтобы гармонировало с ремнем», – ядовито отметила про себя Скарлет.

Гидеон всегда заботился о внешности и терпеть не мог, когда над ним за это подтрунивали. Когда-то эта особенность характера любимого очень забавляла Скарлет – оказывается, и у сурового воина есть свои слабости. Однако на сей раз она ничуть не умилилась. «Вот он стоит там, похожий на аппетитный трюфель, пропитанный карамельным соусом, а я, должно быть, выгляжу как крыса, которую искупали в сточных водах», – подумала она. Когда Скарлет жила в замке, Владыки каждый вечер приносили ей воду, чтобы помыться, но на этом гигиенические удобства заканчивались: у нее не было доступа ни к стиральной машинке, ни к утюгу, ни даже к расческе.

– Нам нечего друг другу сказать, а? – проговорил Гидеон.

Скарлет знала: Гидеон имеет в виду противоположное сказанному им, и прекрасно поняла, что он хочет поговорить. «Будь осторожна, не дай ему понять, что ты на самом деле чувствуешь», – мысленно предостерегла она себя. Приподняла бровь, изображая полное равнодушие.

– Вспомнил меня? – В ее голосе не прозвучало ни намека на обиду.

Из глаз Гидеона исчез всякий намек на эмоции, он стал жестким.

– Конечно.

¹ Ты знаешь, что хочешь меня (англ.). (Здесь и далее примеч. пер.)

«Значит, не вспомнил, – поняла Скарлет. – Ублюдок!» Выражение ее лица не изменилось, ни одна мышца не дрогнула, чтобы не дать собеседнику понять всю глубину пережитого ею огорчения.

– Зачем же ты тогда увез меня из крепости? – спросила она.

Говоря это, Скарлет нарочито медленно провела пальцем по шее, затем между грудями. Ей хотелось испытать его, и воин не обманул ее ожиданий: его взгляд неотрывно следовал за ее пальцем. «Выходит, какая-то часть его по-прежнему находит меня привлекательной?» – спросила себя она.

– Я очень опасная женщина.

– Не знаю. – Слова прозвучали глухо, как будто у говорившего перехватило дыхание. – И я не увез тебя из крепости, чтобы ничто не мешало нам спокойно поговорить по душам.

«Выходит, им двигало не желание, а банальное любопытство», – поняла Скарлет. Ее рука упала на колени. Но она не почувствовала разочарования. Ее закаленное болью сердце давно перестало быть восприимчивым к подобным уколам. По крайней мере, ей очень хотелось, чтобы это было так.

– Ты дурак, если думал, что перемена декораций развяжет мне язык, – отрезала она.

Гидеон промолчал, но Скарлет заметила, как дернулась мышца на его щеке. Его явно не обрадовали ее слова. Решив закрепить успех и насладиться мгновением, она послала ему обворожительную улыбку. «Так ему и надо! – решила Скарлет. – Пусть блуждает впотьмах, задается вопросами, на которые нет ответа, как я все эти годы, когда мою душу грызли, буквально разрывали на части тревога и неисчерпаемое горе». При воспоминании о том, через что ей пришлось пройти, улыбка на ее губах, которая и без того была продиктована не чувством, а усилием воли, погасла. Более того, ей пришлось прижать язык к небу, чтобы в приступе ярости не впитаться в него зубами.

«Я вернусь за тобой, – пообещал ей Гидеон однажды ночью, много-много лет назад, – и освобожу тебя. Клянусь всем, что у меня есть!»

«Нет! Не уходи! Не оставляй меня здесь одну!» – взмолилась она тогда. «Господи, надо же было тогда быть такой нюней...» – ругала себя потом Скарлет. Но она сидела под замком, а он был для нее единственным лучиком света.

«Милая моя, ненаглядная! Ты ведь отлично знаешь, что я безумно тебя люблю и даже короткая разлука – это пытка для меня, – говорил он ей тогда. – Но сейчас я должен уйти. Поверь мне: так надо, от этого зависит очень и очень многое».

Однако Гидеон так и не вернулся и не дал о себе знать. Так Скарлет и жила в неизвестности до тех пор, пока титаны, освободившись из Тартара, тюрьмы для бессмертных, не захватили власть на небесах. Тогда Скарлет вернулась на землю и принялась искать, и розыски привели ее... в пошлый ночной клуб, где ее любимый пил в три горла и веселился до упада.

Злость женщины усилилась настолько, что перед глазами поплыли красные круги. «Глубокий вдох, – сказала тогда она себе. – Медленный выдох». Постепенно круги исчезли.

– Разговор окончен, – бросила она, впрочем не двигаясь с места. «Ну что ты дальше будешь делать? – мысленно спросила она Гидеона. – Ты ничего от меня не добьешься и уж точно здесь не удержишь».

– Можешь сбежать от меня. – Гидеон скрестил руки на широкой груди. – Иначе не пожалеешь об этом.

И снова женщина прекрасно поняла, что он имел в виду: сбежишь – мало не покажется. И тем не менее она ответила:

– Вот приду в себя после сна и обязательно воспользуюсь твоим любезным разрешением. Воин гневно зарычал, растеряв все свое самообладание.

– Я по злобе душевной не вытащил тебя из подземелья. Так что за тобой нет долга, который ты отдашь сполна, если не будешь вести себя смирно.

– Вот и договорились, – согласилась Скарлет. – Ты злой, я тебе ничего не должна и вольна бунтовать сколько моей душе угодно.

По комнате пронесся еще один рык. Скарлет едва сдержала смех. «Проклятье, над ним все так же весело подтрунивать», – подумала она, но затем поняла, что ничего веселого во всем этом нет, и улыбка вновь сползла с ее лица. Женщине следовало бы испытывать отвращение оттого, что Гидеон всегда врет, а не наслаждаться этим. Однажды его ложь уже стоила ей разбитого сердца.

– А ну, продолжай! – прошипел он.

– Ого! Уже просишь добавку.

Когда-то давно она думала, что Гидеон особенный, но он оказался таким же, как все – ее мать, владыка богов, так называемые друзья. Вместо того чтобы заботиться о ней, эти люди ее предали, один за другим. Они, конечно, были преступниками, но ведь и у преступников есть сердце. «Так почему же в их сердцах не оказалось места для меня, Скарлет?» – не раз спрашивала она себя. Всю свою жизнь Скарлет провела под замком в Тартаре. Ее мать Рея, жена Кроноса, изменила супругу со смертным и забеременела, и, поскольку сразу же после этого на небесах произошел переворот, рожать ей пришлось уже в тюремной камере, которую она делила еще с несколькими богами и богинями. В этом окружении Скарлет росла и поначалу даже была всеобщей любимицей. Однако чем старше и красивее она становилась, тем хуже ей жилось. Богини ей завидовали и ненавидели, а в богах разгоралась похоть. Так и получилось, что со временем неволя, ненависть и горечь сделались ее единственными товарищами, в которых она могла быть уверена. А потом в ее жизни появился Гидеон. Тогда он служил в Бессмертной Гвардии Зевса, и каждый раз, когда он приводил в Тартар новых узников, их со Скарлет взгляды встречались. Она всегда ждала этих мгновений и упивалась ими. Очевидно, она тоже ему приглянулась – он зачастил в тюрьму, часами с ней болтал.

«Идиотка! Прекрати вспоминать о том, как хорошо тебе с ним было! Ты смягчишься, а этого делать сейчас никак нельзя!» – мысленно приказала себе Скарлет.

После освобождения из Тартара разумнее всего было остаться на Олимпе, который по воле Кроноса стал именоваться Титанией, и обрести семейное счастье с каким-нибудь богом. Но вместо этого Скарлет пустилась на поиски Гидеона, а когда нашла его, не смогла вернуться и зажить по-прежнему. Так и получилось, что она все время вертелась где-то рядом, а потом ее поймали Владыки, занятые выслеживанием бессмертных, одержимых демонами из ларца Пандоры, чтобы привлечь их на свою сторону или убить.

«Чертов ублюдок! – снова мысленно обругала она Гидеона. – Вот так. Уже лучше. Гидеон – грязный лгун, хладнокровный убийца, которого ты ненавидишь и презираешь!» Скарлет была уверена, что, получив ответы, он тут же ее прикончит, ибо знает, что она никогда не станет им помогать.

– Эта тишина воистину прекрасна, – заметил воин.

– Рада, что тебе нравится, – отозвалась Скарлет. Черты лица Гидеона исказило раздражение, и женщина снова едва сдержала улыбку. – Потому что ничего другого тебе от меня не перепадет.

До ее слуха опять долетело рычание.

– О, и кстати: будь спокоен – я не собираюсь сбегать. – «По крайней мере, пока», – мысленно добавила она.

Скарлет тоже собиралась поговорить, но на другую тему. Ей давно хотелось знать, есть ли у Гидеона постоянная женщина. Если окажется, что есть, то Скарлет, разумеется, убьет ее – не из ревности, а просто потому, что Гидеон не заслуживает такого счастья. Это даже мстью нельзя будет считать. Она – его жена, пусть брошенная и отвергнутая, а потому имеет полное право так поступить.

– Если ждешь благодарности, то не дождешься, – проговорил воин, облегченно выдохнув. Таким образом он говорил ей «спасибо».

– Ну и ладно, – ухмыльнулась Скарлет, подразумевая: «Пошел ты...»

Глаза Гидеона превратились в щелочки, а сам он выглядел точно ребенок, который вот-вот начнет топтать ногами от огорчения из-за того, что ему не купили новую игрушку. «Один – ноль в мою пользу», – решила Скарлет.

Проведя языком по зубам, воин заставил себя продолжать:

– Как мы могли не пожениться, если мои друзья все об этом знают?

«Как мы могли пожениться так, что никто об этом не узнал? – мысленно перевела Скарлет. – Очень просто».

– Мы поженились тайно, тупица.

На сей раз он никак не отреагировал на шпильку.

– Я гордился тобой? – спросил Гидеон.

Скарлет едва не кинулась к нему, чтобы надавать пощечин. Он решил, что, должно быть, стыдился их отношений и своей любви к ней. Конечно, она сидела в тюрьме, а он был свободным человеком, но его предположение было вызвано не этим, ведь этого он тоже не помнил, а просто завышенной самооценкой.

«Сказать, что ты ублюдок, – значит не сказать ничего», – гневно подумала Скарлет.

– Дело было не в стыде, а в том, что тебя тут же убили бы, если стало бы известно, что мы вместе, – процедила она сквозь сжатые зубы.

Гидеон кивнул, будто в самом деле поняв, что она была дочерью титанов, которую олимпийцы безвинно бросили в темную, мрачную камеру, и что те самые олимпийцы, его создатели, обошлись бы с ним со всей суровостью, если бы узнали о его связи с их ненавистным врагом.

– С этим не разобрались – не идем дальше. Раз мы все это время не были женаты, как ты себя не называла?

«Что?! – удивилась про себя Скарлет. – Он что, в самом деле не помнит, как меня зовут? Я же называла свое имя, когда он впервые пришел в подземелье, а с тех пор прошла всего пара недель».

– Меня зовут Скарлет. – «Урод! Ненавижу тебя!» – пронеслось в ее голове. – Вообще-то я уже представлялась.

«Ненавижу, ненавижу, ненавижу!» – мысленно твердила она, стискивая простыню, на которой сидела.

Гидеон нетерпеливо помахал рукой.

– Это я еще не знаю, – ответил он. – Я не спрашиваю о твоей фамилии.

Глаза Скарлет сузились, а ногти еще сильнее вонзились в простыню. «Время праздных вопросов явно закончилось, начался завуалированный допрос, – решила она. – И он полный идиот, если считает, что я не поняла этого. Явно пытается выяснить, кто я – богиня или служанка. У богинь нет фамилий, а у небесных прислужников есть, так как предполагается, что их много и все они на одно лицо, а потому одного имени недостаточно, чтобы отличить одного от другого. Совсем как у людей. Видимо, Гидеон решил идти методом исключения. Но даже если я попадусь в расставленную им ловушку, честный ответ ни на шаг не приблизит его к истине. Ведь я одновременно и богиня, и служанка, и человек, и никто в отдельности».

– Моя фамилия меняется каждый раз, когда при просмотре фильма кто-то из персонажей кажется мне вкусняшкой, – ответила Скарлет игривым тоном, который намного больше подходил к ее недавней улыбке.

Гидеон клацнул зубами. Похоже, ему пришлось не по душе мысль, что его предполагаемая жена заглядывается на других мужчин.

– Вкусняшкой? Человек-печенье, что ли? – спросил он насмешливо.

– Нет, – отрезала Скарлет. Веселость Гидеона была показной, иначе он бы уже корчился на полу в агонии. На самом деле он явно испытывал раздражение. «Вот и прекрасно, – решила Скарлет. – Так ему и надо. Два – ноль». – Мужчина-вкусняшка... как бы тебе объяснить... это такой мужчина, который будит в тебе страсть, которого так и хочется облизать, всосать, откусить кусочек.

Женщина решила ни за что не допустить, чтобы Гидеон думал, будто она сохла по нему все эти годы. Хотя именно так оно, конечно, и было: не проходило ни дня, когда бы она не грезилась о нем, но его это совершенно не касалось.

Гидеон сощурился так, что уже нельзя было понять, какого цвета у него глаза.

– Не забывай: ты – Лорд². В отличие от меня. Так что отныне не называй себя Скарлет Лорд.

– Ты представляешься людям Гидеоном Лордом? – удивленно спросила Скарлет, которая этого не знала.

– Нет.

«Значит, да», – поняла она.

– Что ж, тогда я никогда не буду называть себя Скарлет Лорд.

«Вот еще! – мысленно фыркнула она. – Называться его фамилией – это словно покричать на весь белый свет, что я когда-то принадлежала ему. Да ни за что! Если у нас когда-нибудь и будет что-то одно на двоих – так это клинок, которым я проткну его черное, неблагодарное, забывчивое сердце».

Гидеон оскалил белоснежные зубы.

– Предупреждаю тебя: не следи за тем, что говоришь! В гневе я очень мил и обходителен! – проревел он.

– Не следишь, говоришь? Ладно, не буду. Как тебе вот это, например? Иди в задницу, тупая скотина!

Как ни странно, гнев Гидеона стих, а губы растянулись в некоем подобии улыбки.

– Ну у тебя и характер! Кроткий, как у овечки. Кажется, я начинаю понимать, что не нашел тогда в тебе.

«Не смягчаться! Держать оборону!» – приказала себе женщина.

– Ты не говорила, что носила разные фамилии, – продолжил Гидеон. – Какие, например? – Он отделился от дверного косяка и встал ровно, по-прежнему держа руки скрещенными на груди. – Не отвечай, прошу тебя! Пожалуйста!

Вопрос прозвучал буднично, с легким налетом издевки, глаза воина мерцали недобрым светом, будто, если Скарлет не будет достаточно откровенна, он сорвется с места и хорошенько ее встряхнет. «Если он ко мне прикоснется... если эти сильные пальцы обхватят мое плечи... – пронеслось в ее голове. – Нет! Нет, нет, нет!» Решив во что бы то ни стало не допустить этого, Скарлет равнодушно пожала плечами.

– Ну... дай-ка подумать... – начала она. – Несколько недель я была Скарлет Паттинсон. Ты видел фильмы с Робертом Паттинсоном? Никого сексуальнее я в жизни не видела. И плевать, что он мне в праправнуки годится. А как он поет! У него ангельский голос. О боги, до чего же я люблю, когда мужчина мне поет. Вот ты, например, никогда этого не делал, но оно и к лучшему. – Женщина скривилась, демонстрируя отвращение. – Ей-богу, когда ты открывал рот, казалось, будто демон возит когтями по стеклу.

Гидеон стиснул кулаки, отчего пальцы левой кисти, обхватывавшие правую руку чуть выше локтя, вонзились в кожу с такой силой, что проступили синяки.

– Кем еще ты не была? – спросил он.

² Слово lord в переводе с английского означает «владыка».

На сей раз он обошелся без всякого «пожалуйста». «Прекрасно, – решила Скарлет. – Гидеон снова выходит из себя. Насколько хватит его терпения? Сколько еще колкостей и издевательств я успею выдать прежде, чем он набросится на меня, требуя... нет, уже не ответов... извинений?» Когда-то Скарлет могла поклясться всем, что у нее есть: как бы Гидеон ни злился, ее он не тронет никогда. Но это было давно. Теперь он уже не тот заботливый мужчина, которого она любила и благодаря которому впервые в жизни открыла для себя, что такое доброта. Он по определению не мог таким быть.

В Тартаре много говорили о Владыках Преисподней и их «подвигах». Кроме того, Скарлет сама была одержима демоном и хорошо знала, что это такое. Когда в нее вселился демон Ночных Кошмаров, ее сознание объяли мрак и ужас, она утратила всякую власть над собой, в ней не осталось ничего человеческого. В этом странном состоянии женщина прожила многие столетия, которые показались ей считаными днями. Она почти ничего не помнила о том времени. Когда завеса мрака спала, Скарлет снова стала собой, но, безусловно, в ней тоже совсем мало осталось от той тихой, пугливой девушки, которой она когда-то была.

– Какое-то время я была Пит, – ответила она. – Потом Гослинг. Потом Джекман. Потом Рейнольдс. На самом деле я много раз становилась Рейнольдс, он мой любимец. Блондин... а какие у него мускулы! – Она вздрогнула. – Кто еще? Ах да. Еще я была Бана, Пайн, Эфрон, Ди Каприо. Ди Каприо – тоже мой любимец. И тоже, кстати, блондин. Наверное, блондины в моем вкусе.

Скарлет надеялась, что выпущенная ею стрела достигла самого сердца. Гидеон был брюнетом, хотя так давно красился в синий, что уже почти никто об этом не помнил.

– О, и еще вот! – продолжала Скарлет. – Я вообще-то не лесбиянка, но Джессика Бил – та женщина, ради которой я могла бы передумать. Ты видел ее губы? Так что да, однажды я даже была Скарлет Бил.

Гидеон опять клацнул зубами. Насколько Скарлет могла судить, от его веселости не осталось и следа и в нем снова закипало бешенство.

– Как мало разных вкусняшек, – процедил он.

Очевидно, терпение воина подходило к концу. Если в прошлый раз он был просто зол, то теперь в его голосе сквозила какая-то дикая, первобытная, неистовая ярость, а еще в нем звучало что-то очень похожее на возбуждение. Когда-то Скарлет очень хорошо знала эту страстную, полную желаний интонацию, которую уже никогда не чаяла услышать.

«Ради бога, не вздумай улыбаться!» – мысленно одернула она себя, а вслух сказала:

– Что сказать, я люблю разнообразие. Может быть, когда-нибудь это станет смыслом и целью всей моей жизни – перепробовать как можно больше мужчин, чтобы понять, кто из них лучший.

Казалось, еще немного – и у Гидеона из ноздрей пойдет пар. Скарлет не ошиблась: он был в бешенстве. Вытянувшись в струну, шагнул к ней, но одернул себя и вернулся на прежнее место.

– Ну все, не закрыли тему! – сказал, как выплюнул, Гидеон и повернулся, будто собираясь уйти.

– Подожди. – Она так и не узнала главное. – А что насчет тебя? – «Осторожнее», – приказала она себе. – У тебя есть подруга? Или еще лучше: новая жена? Твое счастье, если нет, иначе гнить тебе за решеткой за многоженство.

«Так, – решила Скарлет. – Кажется, получилось. Мои слова прозвучали более чем бесстрастно». Ни одна живая душа не смогла бы догадаться, с какими отчаянием и надеждой она ждала его ответ.

Воин медленно повернулся.

– Да, – еле слышно выдавил он сквозь стиснутые зубы, имея в виду, что у него никого нет. – У меня есть и девушка, и новая жена.

Скарлет выдохнула, лишь теперь осознав, что в ожидании ответа задержала дыхание. «Итак, у Гидеона никого нет, – подумала она. – Он, конечно, тот еще бабник, но дальше случайного секса дело, видимо, обычно не идет». Скарлет начала бить дрожь.

«Нет-нет, это не от облегчения, – убеждала себя она. – Я просто расстроена, что лишилась возможности прикончить у него на глазах ту, которую он любит».

Скарлет поняла, что разговор можно заканчивать. Ее любопытство было удовлетворено сполна. Она сползла с постели.

– Пойду приму душ, а ты пока закажи мне еды, – повелела она. – Не вздумай спорить, не то, клянусь богом, следующей ночью тебе приснятся несметные полчища пауков.

Скарлет говорила уверенно, но в глубине души совсем не была убеждена, что сможет привести свою угрозу в исполнение. По одному ему известной причине демон Ночных Кошмаров очень не любил мучить Гидеона. Когда они в первый и единственный раз проникли к нему в сон, Скарлет пришлось умолять демона об этом, и глупая тварь все время сопротивлялась и скулила. Раньше такого не случалось. Ее демону всегда было все равно, кого мучить. Женщина не раз задавалась вопросом о том, почему из всех людей мира ее демон выбрал себе в любимчики и щадил одного Гидеона. Воин бросил ее до того, как она стала одержима, так что демон даже не знал его. Зато с тех пор, как Скарлет выяснила, что Гидеон жив и здоров, демон день и ночь терпел ее жалобы на то, какой ее муж подонок, порой приближаясь к тому, чтобы попросту завывать. «Нет человека – нет жалоб, – говорила Скарлет демону. – Так почему же ты упорно отказываешься не то что желать источнику своих бедствий смерти, но даже пугать его?»

– Ну так в чем дело? – раздраженно бросила она. – Почему ты до сих пор здесь? Иди заказывай еду.

У Гидеона дрогнули уголки губ. Видимо, он отчаянно сдерживал улыбку. «До чего странный человек! – пронеслось в голове Скарлет. – Другой на его месте раздраженно хлопнул бы дверью или пригрозил прирезать меня, если не перестану командовать».

– Все, что пожелаешь, моя радость, – заявил Гидеон, что означало: он и пальцем не пошевелит.

Гидеон всегда был тем еще упрямым и никогда не делал то, что ему велели, и эта его черта когда-то безумно ей нравилась. Но сейчас Скарлет не могла позволить ему выйти победителем из этой маленькой словесной дуэли. И она знала, как поставить его на место. Снимая на ходу одежду, женщина медленно двинулась по направлению к ванной, а проходя мимо Гидеона, небрежно бросила через плечо:

– Ах да, Гид. Я соврала тебе. Мы никогда не были мужем и женой.

«Черт, черт, черт!» – повторял Гидеон, по-прежнему не понимая, когда Скарлет врет, а когда говорит правду, и его это жутко раздражало. Каждое произнесенное ею слово ласкало его слух, отчего все тело охватывала дрожь. «Почему так происходит?» – спрашивал себя он. Гидеон знал, что, слыша правду, демон обычно шипел, а сталкиваясь с ложью, зверюга, как правило, урчала. Но Скарлет Паттинсон – у воина чесались кулаки усеять стены гостиничного номера дырами, и он едва сдержался, – действовала на демона совершенно гипнотически: он просто упивался ее низким, чуть хриплым голосом, мало заботясь о смысле сказанного. Гидеон должен был положить этому конец, иначе его вопросы так и останутся без ответов.

«Уйди от нее», – велел Ложь.

«Пойти за ней и взять ее? – переспросил мужчина, а затем отрезал: – Нет уж, дружище. Мне пока еще дороги мои яйца». Скарлет была из тех женщин, с которыми шутки плохи. Попытка сорвать поцелуй, когда она бодрствует, могла стоить смельчаку сломанного носа, а желающий поглазеть на изгибы ее обнаженного тела, пока она моется, мог стать жертвой принудительной кастрации.

«Обнаженное тело... изгибы... Здравствуй, стояк!» – мысленно поприветствовал Гидеон.

Дверь захлопнулась, щелкнул замок. «Ну вот, теперь я точно не смогу войти, – подумал Гидеон. – Жаль... а впрочем... этот щелчок означает, что Скарлет раздевается. Должно быть, сейчас она осталась в одном белье. Какое оно? Черное. Кружевное. Бюстгальтер расстегивается спереди, стоит лишь протянуть руку и ловким быстрым движением расцепить крючки... А может, бог с ними, с яйцами? Может, оно того стоит?»

Гидеон двинулся в сторону двери. Его рот наполнился слюной, тело объяло пламя такой силы, что кровь в жилах тут же вскипела. Он уже занес кулак, чтобы постучать в дверь, но в последнее мгновение отдернул руку.

«Ради бога, держи себя в руках!» – мысленно велел он себе.

«Легко сказать... – подумал Гидеон. – Она ведь так прекрасна! Вылитая аристократка со старинного портрета, с нежной, прозрачной, чуть тронутой розовым кожей и водопадом черных волос». Опасные изгибы и рельефные мышцы, которые обычно мало кого украшали, удивительно ей шли. Скарлет выглядела гармонично и изящно. Да, именно изящно. Вот то слово, которое идеально описывает ее покрытую татуировками спину. На пояснице были начертаны слова *TO PART IS TO DIE*³ в обрамлении множества цветов самых разных оттенков, форм и сортов. Если Гидеону чего и хотелось, так это кончиком языка обвести контуры всех этих причудливых лепестков. Чуть ниже, на бедре, было вытатуировано изображение разноцветной бабочки, будто летевшей в этот дивный сад.

Впрочем, как бы хороша ни была бабочка, она заинтересовала Гидеона в меньшей степени. Первая татуировка совершенно его заворожила – те же самые слова в окружении точно таких же цветов украшали его собственную поясницу. «Зачем ты набил себе девчачью татуировку?» – спрашивали его друзья, когда улеглась первая волна хохота и шуточек на его счет. Воин ответил, что хотел таким образом доказать, что ничто не сделает его менее привлекательным в глазах представительниц прекрасного пола. Однако правда заключалась в том, что эти слова и цветы, вновь и вновь представая перед его мысленным взором, преследовали и мучили его до тех пор, пока он не уверился: они что-то значат, хотя так и не смог понять, что именно. Сейчас Гидеон понял, что видел их на теле этой женщины, а значит, независимо от того, были ли они женаты, точно провели вместе какое-то время.

«Но почему, черт возьми, я совсем этого не помню?» – едва не заорал вслух воин.

«Знаю», – отозвался демон, будто вопрос был адресован ему.

«Заткнись! Тебя никто не спрашивал!» – вспыхнул Гидеон.

В ванной пустили воду.

«Скарлет, должно быть, сейчас совсем голая», – пронеслось в голове воина.

Он представил женщину нежащейся под струями горячей воды, то, как она постанывает, ощущая, как они ласкают ее бархатную кожу. В номере гостиницы действительно раздался стон, но издал его сам Гидеон. Он зажмурился и энергично потер рукой лицо, пытаясь прогнать наваждение, но это не помогло. Его рука сама собой потянулась в дверной ручке.

«Прощайте, яйца! Нам было очень хорошо вместе!» – мысленно проговорил он.

Но, как и в прошлый раз, в последнее мгновение сила воли восторжествовала. Отдернув руку, воин с грозным рыком попятился от двери.

«Нет, нет и еще раз нет!» – отчеканил он про себя.

Мужчина стал утешать себя тем, что, по крайней мере, Скарлет не удерет. Пока она спала, Гидеон повесил на всех дверях и окнах крошечные датчики, сигнал от которых будет идти на его мобильный. Как только она попытается улизнуть, он тут же узнает. А в том, что она попытается это сделать, причем очень скоро, он был полностью уверен.

³ Расстаться – значит умереть (англ.).

«Соблазн будет столь силен, что она просто не сможет ему противостоять, ибо борьба – неотъемлемая часть и потребность ее натуры, – думал он. – Черт бы ее побрал, эту натуру. Нет, в самом деле, – продолжал размышлять Гидеон, – как сладить с женщиной, которая меняет фамилию в зависимости от того, кто ее в данный момент заводит? О, как бы мне хотелось поговорить с ней на языке извивающихся от страсти тел...» Он всей душой жаждал очутиться по ту сторону двери, отделявшей его от Скарлет, вылизать ее с головы до ног, попробовать на вкус. Воин представил себе, как тонет в ней. Ноги Скарлет обвиты вокруг его талии, она запускает пальцы ему в волосы, царапает спину, стонет, шепчет его имя и умоляет не останавливаться.

Возбуждение Гидеона все нарастало, внизу живота разлилась приятная до боли нега. Он попытался призвать страждущую плоть к здравомыслию: «Увы, приятель, нам с тобой не светит. По крайней мере, не сейчас».

Скарлет пока совершенно не желала поддаваться его чарам. «А впрочем, может, это и к лучшему? – утешал себя Гидеон. – По Будапешту рыщут охотники, озлобленные и решительные, как никогда. Если между нами завяжется подобие романа и я потеряю бдительность, быть беде. Безопаснее всего увезти женщину в другой город и соблазнять ее там. Но нет. Я не могу так поступить со своими друзьями. Они сейчас очень во мне нуждаются. У Мэддокса на руках беременная жена, Люсьен с Аньей планируют свадьбу, женщина Сабина гостит у сестры на небесах, и у того в ее отсутствие совсем сдали нервы, у девушки Рейеса забот хоть отбавляй. Ее взгляду доступно все, что происходит в аду и на небесах, и то, что она видит, как правило, оказывается столь ужасным, что самые страшные сны, насылаемые Скарлет, кажутся на этом фоне детским лепетом. Аэрон, до недавнего прошлого носитель демона Ярости, до сих пор не вполне оправился от свидания со смертью. За прошедшие столетия он настолько привык к присутствию демона, что теперь, оказавшись безраздельным хозяином своего тела и разума, пока плохо понимает, как распорядиться этой властью».

В отличие от остальных воинов Гидеон совершенно не завидовал счастливому избавлению товарища от злого духа. Ему нравилось носить в себе демона. Вдвоем они были сильнее, умнее, и ни одна живая душа, кроме Скарлет, не могла им соврать. «Ну ладно, ладно... – одернул себя воин. – Не только Скарлет, бывали и другие случаи, но их можно по пальцам пересчитать. Кстати о способности лгать. «Я соврала тебе. Мы никогда не были мужем и женой», – сказала Скарлет перед тем, как скрыться в душе. Черт бы побрал ее игры! Так было что-то между нами или нет?» Ее образ и вызываемые им эротические переживания преследовали его долгие годы, из чего вроде как следовало, что он на самом деле когда-то с ней спал, изучил каждый сантиметр ее тела, уже делал с ней все то, о чем так отчаянно грезил. Но это вполне могло не значить ровным счетом ничего, кроме того, что он сейчас увлекся ею и додумывает то, чего не было.

Гидеон вздохнул и направился к кровати, на которой недавно лежала Скарлет. Простыня еще хранила тепло женского тела. Когда воин поднял ее и прижал к щеке, его ноздри защекотал аромат ночных орхидей. «Ощущал ли я когда-нибудь это тепло под своими ладонями? – спрашивал себя он. – Чувствовал ли этот запах?» Пах снова охватила болезненная истома, и Гидеон с рыком отшвырнул простыню.

«Надо убраться отсюда, пока я на самом деле не взял штурмом эту проклятую ванную», – подумал воин.

Разумеется, идея штурма очень понравилась демону.

«Не ходи в ванную! Не ходи туда сию секунду!» – оживился он.

«Да заткнись же ты!» – отрезал Гидеон.

Говоря Скарлет, что не станет заказывать ей еду, воин не лукавил: тогда он действительно не собирался этого делать, однако теперь передумал. Он запер номер и направился к лифту. Стоило ему переступить порог ком наты, как Ложь начал свирепо метаться у него в голове, не желая разлучаться со Скарлет. «Сумасшествие какое-то...» – пронеслось в мыслях Гидеона.

Воин спустился на первый этаж и передал портье записку с заказом. Девушка улыбнулась и принялась вносить данные в компьютер.

– Через час еду доставят в ваш номер, мистер Лорд, – сказала она.

Гидеон едва не поправил ее, сказав, что он Паттинсон. Судя по всему, его подсознание готово было пойти на что угодно, лишь бы приблизить его к Скарлет. Однако, вовремя прикусив язык, он кивнул и вернулся в номер. «Скарлет, женился я на ней или нет, голодна – вот я ее и накормлю», – решил Гидеон. У него осталась к ней еще уйма вопросов, и он собирался получить на них ответы. «И получу, – пообещал себе мужчина. – А каким образом – силой или ласками, – решать ей».

Глава 3

«Кажется, еще никогда в жизни я не чувствовала себя такой чистой и свежей, – подумала Скарлет, расчесывая волосы. – Какое блаженство!» Она несколько раз намылилась мочалкой и вымыла голову, и теперь ее тело и волосы источали тот же приятный аромат ванили и яблока с привычной примесью цветочных ноток, которым был напитан воздух в номере. Сколько Скарлет себя помнила, ее кожа всегда пахла цветами. Видимо, эта особенность досталась ей в наследство от отца. После душа ее онемевшие мышцы расслабились, душевные силы восстановились, по крайней мере до некоторой степени.

«Почему я все еще здесь? Почему не делаю отсюда ноги, как обещала Гидеону?» – мысленно спросила она себя.

Демон Ночных Кошмаров ничего не ответил, убаюканный мирным рокотом воды. Впрочем, Скарлет и без него прекрасно знала ответ: Гидеон по-прежнему был ей безразличен.

«Сколько раз повторять: нельзя, чтобы у тебя снова возникли к нему чувства!» – зло одернула она себя.

Гидеон позаботился обо всем. На раковине Скарлет дожидались зубная щетка, паста, расческа... и синий ободок для волос. На крышке унитаза покоились стопка чистой одежды и новая обувь, правда подобранные на его вкус. Джинсам и футболке Гидеон предпочел синее платье с широким подолом, а удобным ботинкам – туфли на высоком каблуке. Бюстгальтера среди вещей в стопке не оказалось; кроме платья, в ней были только синие трусики. «У него явно слабость к синему цвету, – поняла Скарлет. – Интересно, как давно это у него? И почему?» Женщину раздражало, что есть нечто такое, чего она не знает о своем муже. «А впрочем, не важно, – подумала она. – Его причуды меня не касаются».

– Ты там еще долго? – раздалось из-за двери.

От этого низкого, грудного голоса у Скарлет по всему телу побежали мурашки. Она представила, как Гидеон вышагивает взад-вперед перед дверью, и невольно улыбнулась. Он и раньше не отличался терпением, особенно когда речь шла о ней, и женщине это всегда очень нравилось, ибо говорило о силе его чувств. После каждого задания он прибегал к ней в камеру и, снедаемый желанием вновь изучить ее прелестное тело, покрывал поцелуями ее лицо и руки.

«Как же я по тебе скучал!» – каждый раз говорил он.

«Не уходи от меня больше», – снова и снова следовал ответ.

«Если бы мог, я остался с тобой в этой камере навсегда», – отвечал он. В последний раз, когда между ними происходил этот диалог, у него на губах промелькнула какая-то странная улыбка. «Кто знает, может, однажды так и будет».

«Нет! – Скарлет не желала своему любимому такой участи, как бы сильно ни страдала, когда его не было рядом. – Просто... сделай так, чтобы я забыла, что ты когда-то уходил».

И Гидеон выполнял ее просьбы – она действительно забывала...

Они часто грезили о побеге. Скарлет была закована в золотой ошейник, который лишал Ночной Кошмар силы. Снять его могли только сам Зевс и несколько бессмертных из его самого близкого окружения. Кроме того, лишь немногие из небожителей умели перемещаться в пространстве силой мысли, и Гидеон не принадлежал к их числу. Если бы они решили сбежать, ему пришлось бы незаметно провести ее через весь Тартар, усеянный стражниками, и вывести через единственные ворота, тоже, естественно, тщательно охранявшиеся. И для одного беглеца такой путь – задача не из легких, вдвоем же преодолеть его попросту невозможно, даже без ошейника. И все же Гидеон верил, что у них все может получиться, и не оставлял дерзких замыслов.

Скарлет ощутила, как воспоминания смягчают ее сердце. «Не поддавайся! – приказала себе женщина. – Ты не переживешь, если он снова разобьет тебе сердце, а ничего другого ждать от него не приходится».

С грохотом швырнув расческу на раковину, она взяла платье и надела через голову. Прикосновение мягкой ткани к коже заставило ее застонать. Скарлет никогда не носила платьев, хотя, возможно, стоило. Кто бы мог подумать, что они так приятно прилегают к телу. Трусики оказались столь же мягкими, и Скарлет не удержалась от еще одного стоны. Туфли на каблуке были отвергнуты – им женщина предпочла свои старые ботинки, в которых было проще и бегать, и драться. Закончив одеваться, Скарлет расправила плечи и решительно шагнула к двери. «Сейчас я в последний раз увижу Гидеона, поговорю с ним, и все – можно делать ноги», – решила она. Теперь, когда их история получила логическое завершение, она чувствовала, что сможет попрощаться с ним навсегда и начать собственную жизнь.

«Правильно, милая! Так и надо», – одобрила она.

– Ты что, прикалываешься? – спросила Скарлет, выходя из ванной в облаке сладко пахнущего пара и протягивая руку, в которой сжимала синий ободок для волос.

Гидеон жадно оглядел женщину с головы до пят, задерживаясь взглядом на наиболее интересных местах. В его глазах полыхнуло что-то темное, и он сглотнул.

– А что? – сипло, будто с усилием, проговорил он. – Мне показалось: он достаточно уродливый.

«Значит, Гидеону просто понравился этот ободок, и он купил его потому, что хочет, чтобы у меня были красивые вещи, – поняла Скарлет. – Как это... мило, черт бы его побрал!» – разъярилась она.

Гидеон стоял скрестив руки на груди. Позади него женщина увидела небольшой столик на колесах, которого раньше в комнате не было.

– Значит, тебе нравятся женщины, которые одеваются как школьницы? – спросила Скарлет, стараясь не замечать бешеного биения сердца и жара, растекающегося по венам. – А я и не знала, что у тебя такие необычные сексуальные фантазии...

Закончив говорить, она едва не разразилась проклятиями – ее голос тоже сорвался почти на сип. Видимо, причиной был пришедший на ум вопрос: «О чем он фантазирует теперь? Каков он в постели? Столь же нежен и неутомим, как был раньше? Какие женщины ему нравятся?»

Внезапно ей в нос ударили запахи свежее испеченного хлеба, курицы и риса, отчего рот наполнился слюной. «К черту ободок, – решила она. – К черту логическое завершение». Рука с ободком опустилась.

– Ты принес мне еду, – растерянно пробормотала Скарлет.

«Еще один трогательный жест... – пронеслось в ее голове. – Вот подонок!»

– Нет. Это все для одного меня, – отозвался Гидеон, опускаясь в кресло возле стола, от края до края уставленного блюдами, над которыми поднимался ароматный пар. – Между прочим, тебе жутко не идет этот цвет.

Скарлет облизнула губы. «Это из-за еды, – сказала она себе, – а не из-за того, что ему нравится, как я выгляжу».

– Как говорится: долг платежом красен. Так что будь уверен, настанет день, когда я наряжу в это платье тебя, – заявила она.

Воин молча пожал широкими плечами и протянул Скарлет тарелку с курицей, рисом и овощами. Она шагнула к столу и приняла у него из рук тарелку, не успев толком сообразить, что делает, после чего плюхнулась в кресло напротив.

«До чего же хорошо!» – подумала Скарлет, устраиваясь удобнее.

– Так... почему ты бодрствуешь днем? – спросил Гидеон. – Когда люди вокруг тебя спят.

Женщина не считала, что должна скрывать ответ на этот вопрос. Впрочем, она поняла, что задумал воин, – он решил начать беседу со всяких пустяков, чтобы затем она отвлеклась на еду и, потеряв бдительность, разговорилась.

– Мир большой, и в нем полно людей, которые спят тогда же, когда и я. Демон запросто их находит. Кроме того, каждый день я засыпаю на одну секунду позже и, соответственно, позже просыпаюсь. Так что время охоты постепенно смещается, и рано или поздно каждый может стать нашей добычей, – ответила Скарлет, мысленно добавив: «Иными словами, бойся нас!»

– Непонятно, – кивнул Гидеон и, немного помолчав, снова заговорил: – Я не хочу знать, откуда у тебя татуировка с цветами. Я не хочу знать, кто и когда тебе ее сделал. И я уж точно не хочу знать, как между нами все закончилось.

«Ага, я оказалась права», – мысленно возликовала Скарлет, а вслух произнесла:

– Я уже сказала тебе: мы никогда не были женаты.

Она отправила в рот кусочек ароматной вареной моркови и сделала глоток красного вина.

– И я поверил тебе.

Скарлет пожала плечами и так же бесстрастно, как и Гидеон, проговорила:

– Ты получил достаточно ответов для одной ночи. Я ведь знаю, что ты именно для этого меня сюда привез – чтобы выведать мои секреты, которые не дают тебе покоя, а потом с чистой совестью вернуть назад, в подземелье.

– Ты не права. – Гидеон перегнулся через стол и, бережно поймав ее руку, поднес к губам и поцеловал. – Я просто хотел сбежать с тобой ото всех, чтобы побыть вместе и лучше узнать друг друга.

Скарлет едва не закричала себе: «Не смягчайся! Не смей!» Именно эти слова женщина жаждала услышать сильнее всего на свете. И вот они слетели с уст Гидеона... и были ложью...

Скарлет охватило страдание, граничащее с физической болью. Ее сердце вновь покрылось льдом. Ей хотелось вытащить из спины невидимый нож, который Гидеон вонзил туда, и перерезать ему глотку. Воин только что соврал ей, ведь, будь его слова правдой, он сейчас согнулся бы пополам от боли. «Мерзавец! – думала Скарлет. – Он играет со мной, а я почти поверила ему».

«Будь жестче! Ты ведь сволочь! Вот и води себя так, как положено сволочам!» – приказала себе она.

– Узнать друг друга? А зачем? – В ее тоне сквозила горечь, и она ничего не могла с собой поделать. – Все равно в твоей памяти ничего надолго не задерживается.

Гидеон нахмурился и выпустил ее руку.

Скарлет с трудом сдержала крик – до того ей хотелось, чтобы он снова ее коснулся, и в то же время она ненавидела себя за это желание. Однако вместо этого она молча продолжала есть, пока посуда не засияла чистотой, не оставив Гидеону ни крошки еды и ни капли вина.

– Почему ты так... не хочешь, чтобы я ничего о тебе не знал? – мягко спросил воин.

«Почему? – мысленно переспросила Скарлет, а затем опять же про себя ответила: – Да потому, что многие тысячи лет я провела, гадая, где ты, что делаешь и кто сейчас с тобой рядом, недоумевая, почему ты ушел и больше не вернулся, не зная толком, жив ли ты вообще». Ее сердце разрывалось от боли и страха, которые становились все сильнее и невыносимее. Скарлет постоянно рвало, желудок отвергал любую пищу. Однако, поскольку в чувствах Гидеона она не сомневалась, в конце концов ей пришлось признать: его нет в живых, ибо только смерть могла помешать ему вернуться к ней. О, как же она горевала, как плакала! А оказалось, что все это время он был жив... Узнав об этом, она ощутила не просто боль, а какую-то дикую, нечеловеческую муку, которая не прошла до сих пор, отравляя жгучим ядом все дни и ночи. И вот теперь он сидит перед ней и пытается устыдить за то, что она лишила его покоя! Скарлет стиснула пальцы так, что раздавила бокал, который держала в руке. Осколки поранили ей

ладонь, но она, кажется, и не заметила этого. Что такое несколько кусочков стекла в сравнении с тем, через что ей пришлось пройти? Ничто!

Гидеон вздохнул, взял ее запястье и осмотрел рану.

– Ты поранилась... хорошо. Подожди, сейчас не подлечим тебя.

Когда Гидеон спустился в подземелье замка и взору женщины предстало его прекрасное лицо, ее охватила радость, ведь он был жив и снова рядом. Однако уже в следующее мгновение ее сердце заполнили гнев, горечь и отчаянное желание наброситься на него с кулаками. Ее буквально затрясло от ненависти, и все же те переживания не шли ни в какое сравнение с той иступленной яростью, которую она чувствовала сейчас.

«Да как он смеет? – спрашивала себя Скарлет. – Как, черт возьми, он смеет делать вид, будто эти никчемные порезы на руке что-то значат?»

Гидеон сидел напротив Скарлет и точно ребенок, вооруженный палкой, тыкал ею в душу своей собеседницы – то чуть правее, то чуть выше. А все потому, что она для него один большой вопрос. Ему нужны ответы, а не она сама и не ее прощение. Ему плевать на ее подлинные раны, их «подлечивать» он и не думает.

«Неужели я всегда была для него пустым местом, даже тогда, много столетий назад? – спрашивала себя Скарлет. – Да, он женился на мне, но очень быстро покинул». Покинул для того, чтобы, как она теперь знала, украсть и открыть ларец Пандоры. Ей также было известно, что через еще какое-то время в него вселили демона и выставили с небес. Но ведь и Скарлет стала одержима в тот же самый день и час с той лишь разницей, что она как сидела в камере, так в ней и осталась. Когда после нескольких столетий, проведенных в полной тьме, сознание вернулось к ней, она вспомнила Гидеона. Скарлет решила, что ее муж, вероятно, тоже стал носителем демона, но скоро, как и она, придет в себя, и принялась ждать его возвращения. Но время шло, а Гидеон все не появлялся. Тогда Скарлет стали терзать все эти вопросы и страхи, со временем сменившиеся уверенностью в том, что ее любимого убили, и безысходным горем.

В своей скорби она творила такое, что даже демон Ночных Кошмаров приходил в растерянность... Из ее соседей по камере (к этому времени ее отселили от матери) в живых не осталось никого. Олимпийцы даже хотели казнить ее, но Зевс передумал и приказал провести ее мимо Кроноса, его собственного отца и величайшего врага, в напоминание о том, что Рея наставила тому рога. «То, что доставляет страдания свергнутому Верховному богу титанов, достойно жизни, какую бы опасность оно ни представляло», – пояснил свое решение небесный властитель. А потом титаны вырвались на свободу. Кронос и Рея с удовольствием оставили бы Скарлет в тюрьме, но понимали: ее силы и способности будут серьезным подспорьем в борьбе с олимпийцами.

Как только совершился переворот, Скарлет кинулась в небесный архив и принялась собирать сведения о Владыках Преисподней, чтобы разыскать их и узнать, как погиб Гидеон и где покоится его прах. Она хотела похоронить останки любимого, помолиться над его могилой, попрощаться с ним, а вместо этого выяснила, что ее муж жив и здоров. Ее радость и восторг не знали границ, равно как и пришедшее им на смену огорчение. «Почему он не вернулся ко мне? – спрашивала себя Скарлет. – Почему не прислал весточку о том, что жив». В итоге она отправилась на поиски мужа, решив, что он должен объясниться. А потом, как она надеялась, он снова заключит ее в свои объятия, поцелует, войдет в нее. «Наконец-то, – думала она тогда. – Как много лет я мечтала об этом...»

Гидеон нашелся в одном из баров в Буде. Скарлет прошла мимо него, а он и бровью не повел, скользнул по ней взглядом и тут же равнодушно отвел глаза, сосредоточив все внимание на смертной женщине, с которой потом там же, в клубе, и занимался сексом.

Скарлет ушла с истекающим кровью сердцем. Она старалась как можно больше узнать о современных людях, их ценностях и образе жизни, в глубине души надеясь, что, если станет больше похожа на них, Гидеон снова полюбит ее, женщину, которая росла среди преступников,

которую ненавидела собственная мать, которая никогда не знала своего отца и внутри которой был заточен лютый демон. Основным источником знаний выступал телевизор. Между тем, не переставая заниматься саморазвитием, Скарлет незримо присутствовала в жизни Гидеона, приглядывая за ним.

«А вдруг Владыки не случайно поймали меня? – спрашивала себя она. – Вдруг я сама этого хотела? Вдруг я просто бессознательно стремилась поставить Гидеона и себя в такие условия, которые помогли бы мне прозреть? Теперь-то я точно знаю, что мой муж – всего лишь жалкий кусок дерьма, и смогу с легкостью выкинуть его из сердца...» Скарлет ненавидела неволю, и все же несколько недель спокойно просидела в застенках, не пытаясь сбежать. Все ради него, мужчины, который ее не помнит, способен в своих интересах играть ее чувствами, причинить ей боль, уничтожить ее. «Я сама тебя уничтожу!» – мысленно взревела Скарлет.

Схватив тарелку, она вскочила на ноги и запустила ею в Гидеона. Нападение было столь стремительным, что мужчина не успел увернуться, и тарелка попала ему в голову. В воздух взлетели осколки, по лицу Гидеона потекла кровь.

Гидеон нахмурился и тоже подскочил с кресла.

– Очень мило! – заявил он. – Спасибо!

Но Скарлет уже метнула следующую тарелку, на этот раз угодив противнику в грудь. Стекло разлетелось вдребезги, изрезав футболку.

– Что ты не вытворяешь? – спросил мужчина.

– Не надираю тебе задницу! Не пытаюсь разmozжить тебе голову и размазать твои мерзкие мозги по стене! Ты, грязная свинья! – провизжала Скарлет. – Ты все понял? Кажется, я старалась говорить на доступном тебе языке!

Скарлет приняла роковое решение: Гидеон должен умереть. Она схватила вилку и выставила ее наподобие кинжала. Ей доводилось убивать и предметами, еще меньше похожими на оружие, причем даже бессмертных.

– Может, я и помню тебя, Скарлет, – заорал Гидеон, чуть отступая назад, – но твой образ не преследовал меня все эти годы!

Резким движением он задрал футболку, и взору Скарлет предстали кровоточащие порезы, а среди них, над самым сердцем, красовалась татуировка в виде темных глаз, очень похожих на ее собственные.

– Не видишь? Ты не преследовала меня!

– Это ничего не доказывает! – возразила Скарлет. – У тысяч людей темные глаза!

Воин повернул голову и убрал волосы с задней части шеи. Скарлет увидела еще одну татуировку – кроваво-красные губы в форме сердечка, опять же очень похожие на ее собственные. Затем Гидеон обернулся и снова задрал футболку, демонстрируя разукрашенную цветами поясницу и надпись: TO PART IS TO DIE. Татуировка была точной копией той, что украшала спину Скарлет. Гидеон уже показывал ее однажды, когда впервые спустился в подземелье, но Скарлет все равно, как и тогда, почувствовала, будто ее с силой толкнули в грудь.

– Я просто не пытаюсь найти всему этому объяснение, – мягко проговорил Гидеон, вновь поворачиваясь к Скарлет лицом. – Не помогай мне! Ну пожалуйста!

Вид татуировок несколько не уменьшил ее ярость. Напротив, Скарлет взбесилась еще больше. Гидеон чувствовал ее, но все же продолжал спать с другими женщинами, жить полной жизнью вместо того, чтобы попытаться разобраться, откуда приходят все эти образы.

– Ты думаешь, тебя это оправдывает? – вскричала Скарлет. – Ты! Равнодушный ублюдок! Пока ты тут, внизу, развлекался с бабами и радовался жизни, я прозябала в Тартаре, в рабстве у олимпийцев! – Скарлет сделала один шаг, затем другой, обогнула стол и приблизилась к Гидеону. Тот не шелохнулся. – Их слово было для меня законом, хотела я того или нет, но мне приходилось повиноваться. – Каких только унижений она не натерпелась за эти годы: то

ходила голышом, то сражалась с другими заключенными, то на четвереньках оттирала чужую грязь. – И ты бросил меня там! Обещал вернуться за мной, а сам исчез навсегда!

Дрожа всем телом от гнева и тяжело дыша, женщина воткнула вилку в грудь Гидеона и изо всех сил провернула. К ее удивлению, он не отпрянул и не попытался обороняться. Его ноги словно вросли в пол, глаза сузились и превратились в щелочки. «Что с ним? – спрашивала себя она. – Он злится? Очевидно, да. Но на кого? На меня? Или на олимпийцев, которые заставляли меня делать всякие гадости? – Но затем ход ее мыслей изменился, и она решила: – А впрочем, не важно. Его наказание еще только начинается».

– И знаешь, что еще? – Она стиснула вилку с такой силой, что суставы жалобно захрустели. – Когда спустилась на землю и увидела тебя с другой женщиной, я отдалась другому мужчине. На сей раз по доброй воле. А потом еще одному и еще...

Эти слова были ложью. Скарлет пыталась спать с другими, чтобы сделать Гидеону больно, но так и не смогла переступить через себя. Она всеми фибрами души ненавидела себя за это. Тогда Скарлет переключилась на поиски постоянного партнера, кого-то, кто смог бы заменить Гидеона. Ей нужен был человек, с которым она вновь ощутила бы себя любимой, который защищал бы ее и лелеял, будто сокровище. Но этот план тоже с треском провалился. Кто бы ни встречался на ее пути – искатель знакомств на одну ночь или благонадежный молодой человек, она понуро проходила мимо, не чувствуя ничего, кроме пустоты и грусти.

Гидеон ссутулился, одолевавшие его темные чувства, судя по всему, рассеялись без следа.

– Не прощай меня! – прокричал он. – Я очень рад, что вынудил тебя сделать это. Я был бы не рад убить того мужчину, который посмел к тебе прикоснуться. Пусть я и помню все о том времени, когда мы были вместе. Но ты все равно почему-то не волнуешь меня.

«Гидеон просит прощения, – поняла Скарлет. – Он проклинает себя за то, что толкнул меня на этот поступок, и жаждет прикончить мерзавца. Очень трогательно... Но не для меня. Слишком поздно!» Женщина с ревом выдернула вилку из груди мужа, разбрызгивая во все стороны бордовые капли, и снова пырнула его. Гидеон заревел.

– И снова мимо! – рявкнула Скарлет. – Ты думаешь, что, раз ты забыл меня, значит, твои действия меньше ранят?!

«Замолчи! Замолчи! Замолчи! – твердила она про себя. – Он не должен понять, насколько меня ранило его предательство».

– Я не... – Гидеон запнулся на полуслове и нахмурился. Запустив руку в карман, он извлек оттуда мобильник и внимательно изучил экран.

Когда их взгляды снова встретились, Скарлет увидела в сияющих глубинах его глаз нарастающее бешенство.

... – У нас нет гостей.

– Твои дружки? – поинтересовалась она.

Будучи поклонницей современных технологий, Скарлет не стала спрашивать, откуда он узнал о непрошенных гостях, – ей и так было все понятно.

– Да, я просто обожаю охотников.

Ничто не мешало ей снова пустить в ход вилку, выколоть ему оба глаза, и пусть разбирается с незваными гостями раненый и слепой... Но Гидеон – ее добыча, и ничья больше.

– Сколько их? – спросила Скарлет, извлекая вилку из груди воина. Гнев по-прежнему клокотал в ее груди, но теперь она направила его на охотников.

«Проснись, демон Ночных Кошмаров! Ты, может быть, мне понадобится», – мысленно произнесла она.

Злой дух потянулся и зевнул у нее в голове.

– Я знаю, – ответил Гидеон.

Иными словами, он, как и сама женщина, не знал ответов на эти вопросы.

– Через какую дверь они вошли? – спросила она.

– Не через переднюю.

Скарлет выглянула в коридор. Перед дверью их номера раскинулся небольшой вестибюль, от которого отходило три коридора. Значит, откуда бы ни шли охотники, они обязательно окажутся в этом вестибюле. «Превосходно!» – решила женщина.

«Ты готов, приятель? Потому что мамочка ошиблась. Никаких «может быть». Мне нужна твоя помощь», – воззвала она к демону.

Тварь заурчала в предвкушении.

«Повеселимся», – пообещал демон.

«Смертельный удар за мной, идет?» – спросила Скарлет.

«Идет», – согласился дух.

Внутри ее начала сгущаться тьма. «Но как же быть с Гидеоном?» – спохватилась она.

«Не трогай Гидеона, – обратилась она к демону. – Я не хочу, чтобы он видел то, что ты покажешь его врагам».

Демон прорычал: «Я никогда не причиню ему зла».

Демон, конечно, неохотно пугал воина по ночам, но подобного заявления женщина не ожидала от него услышать. Прозвучи оно при других обстоятельствах, она бы обязательно потребовала объяснений. Впрочем, ее демон был столь же скуп на откровенность, как и она сама, так что он вряд ли стал бы что-то объяснять.

– Отойди подальше, – велела она Гидеону. – Я их перебую.

– Ага, конечно, – отозвался он, доставая из-за пояса острый, поблескивающий на свету нож и маленький револьвер.

«Выходит, он все это время был при оружии, но почему-то не пустил его в ход, когда я на него набросилась», – поняла Скарлет.

– Мысль о том, что ты будешь драться с этими симпатиями в одиночку, приводит меня в восторг.

«Мужчины... – пронеслось в ее голове. – По их мнению, когда случается беда, от женщин больше вреда, чем пользы. Но Гидеон совсем скоро убедится: я – уже не та девчонка, которую он когда-то знал, а теперь не может вспомнить».

– Они здесь. Я точно знаю: они здесь, – долетел до слуха Скарлет чей-то шепот.

Человек говорил очень тихо, но женщина отчетливо слышала каждое слово, будто его произносили прямо ей в ухо. Остротой слуха она была обязана тюремной жизни. Не научись она улавливать малейшие вибрации воздуха, ее бы уже давно не было в живых.

– Если мы приведем девчонку, они возьмут нас к себе, – прошептал другой голос.

– А парень? – спросил третий.

– Его убьем.

Демон Ночных Кошмаров урчал, хохотал и ждал отмашки хозяйки, чтобы начать. Скарлет с силой толкнула Гидеона, который, не удержавшись на ногах, спикировал в кресло, и, прежде чем он успел произнести хоть слово, спустила внутренний поводок – и демон рванулся наружу. Вокруг Скарлет за клубилась непроглядная тьма, оглашаемая тысячами раздирающих душу воплей. Даже Гидеон, могущественный бессмертный воин, ничего не видел. Скарлет же ориентировалась в этой черной пелене как рыба в воде.

– Жьми уши, – услышал он ее голос.

– Скар... – начал воин, стараясь как можно меньше исказить ее имя.

Его голос звучал гневно. Он явно не был в восторге от отведенной ему роли. Однако Скарлет оборвала его, приложив палец к его губам. «Сейчас не время для разговоров, – как бы говорила она. – Враг услышит». Гидеон сжал кулаки, но, секунду поколебавшись, кивнул. В итоге он любезно согласился отойти в сторону, предоставляя ей разбираться с противником самостоятельно. Скарлет это, с одной стороны, обрадовало, с другой – удивило. «Почему он

не вскочил на ноги и, пусть его помощь мне совершенно не нужна, не стал настаивать на том, что мы должны драться вместе?» – возмутилась про себя Скарлет, но затем одернула себя: – Потом об этом подумаешь» – и решительно повернулась к двери.

В следующее мгновение в номер ворвались четверо вооруженных мужчин. «Всего четверо? – удивилась Скарлет. – О чем они думали, заявляясь сюда без поддержки? Должно быть, у них завышенное самомнение или они недооценивают нас с Гидеоном. Впрочем, может, их вовсе и не четверо, а гораздо больше, просто остальные рассредоточились по отелю, чтобы, если что, кинуться на помощь».

В номере охотников встретила крошечная тьма, и они легкомысленно шагнули в нее. Сделав несколько шагов, они совершенно дезориентировались. Густая черная пелена стиснула их, в ушах зазвенели дикие вопли. Пока они пытались сообразить, что к чему и как им выбраться, демон Ночных Кошмаров, извиваясь, принялся отплясывать вокруг них свой смертоносный танец, связал их по рукам и ногам, пригвоздив к месту, и принялся нашептывать им их самые глубинные, потаенные страхи. Леденящие душу образы стали вихрем носиться в их сознании. Они видели боль, кровь, а затем и смерть. Вскоре несчастные уже со стонами стискивали руками головы. Им казалось, будто Владыки Преисподней связали их и пытаются с той же изощренной жестокостью, с какой охотники обычно мучили своих жертв.

Демон с удивительной чуткостью распознавал людские страхи, особенно вытесненные, неосознанные, надежно сокрытые в глубинах сознания. Именно благодаря этому его дару им со Скарлет стало известно о том, что Гидеон боится пауков. Но демон не знал, что вызывало тот или иной страх, и Скарлет буквально изнемогала от любопытства: из-за чего отважный Гидеон трепещет при виде лохматых малюток? Тартар кишмя кишел насекомыми, но на ее памяти воин ни разу не проявил беспокойства, когда смотрел на них, даже брал в руки.

– Остановите это! Пожалуйста, остановите! – взмолился кто-то из охотников.

– Хватит! Хватит! – взвыл другой.

«Нет, не хватит», – холодно отрезала про себя Скарлет.

Женщина получала от пытки не меньшее удовольствие, чем демон. Эти люди – мучители и убийцы и заслужили такой конец. Слишком долго Скарлет жила, постоянно чувствуя боль и унижение. «С меня довольно! – решила она. – Больше меня никто и никогда не обидит». Крепче сжав в руке вилку, она с улыбкой двинулась в сторону несчастных. Остановившись возле того, что оказался к ней ближе всех, она еще некоторое время послушала его душераздирающие стоны, казавшиеся ей приятнее любой музыки, после чего бережно отвела волосы с его лица. От неожиданности несчастный вздрогнул, а затем зарылся в нежную ладонь, будто ища защиты и утешения. Наверное, охваченный агонией, он посчитал Скарлет другом. В следующее мгновение женщина, не отрывая ладони от лица охотника, вонзила вилку ему в шею, прямо в сонную артерию. Несчастный вскрикнул, но его вопль утонул в вихре оглушительных криков, сотрясавших темный номер. На руки Скарлет хлынула теплая кровь. Она выдернула вилку, отняла ладонь от лица умирающего, который тут же повалился на пол, и шагнула к следующему охотнику, которого одарила точно таким же нежным прикосновением и ударом в шею.

На полу разлилось безбрежное ярко-алое море.

«Море имени меня»⁴, – хмыкнула про себя Скарлет.

С оставшимися двумя охотниками женщина разделалась столь же быстро и беспощадно.

«Наверное, стоило с ними немного позабавиться, прежде чем убивать, – подумала она. – Ну что ж. В следующий раз».

Как только стихли последние стоны и враги перестали двигаться, Скарлет закрыла глаза и с силой вдохнула тьму и крики обратно в себя. Они ураганом завертелись у нее в голове, но

⁴ Игра слов. Имя Скарлет созвучно английскому слову scarlet, которое означает «ярко-красный», «алый».

она усилием воли загнала их на задворки сознания и оттесняла до тех пор, пока не заставила полностью стихнуть. Чтобы не сойти с ума, ей пришлось научиться обуздывать своего демона, и за много лет она довела этот навык до совершенства.

«Быть может, то, что мы с Гидеоном больше никогда не окажемся в одной постели, к лучшему», – пронеслось в голове Скарлет.

Она часто задумывалась об этом. Стоило ей хоть немного забыться и ослабить самоконтроль, ее демон срывался с привязи и захватывал власть над ее телом и разумом, даже если она бодрствовала. «Что же будет, если я окажусь в объятиях Гидеона?» – размышляла она. Перед мысленным взором женщины развернулась тягостная сцена. Гидеон покрывает ее губы поцелуями, его горячая плоть обжигает ее нутро, и вдруг, в самый разгар действия, на него обрушиваются тьма и крики. Будто в замедленной съемке, Скарлет увидела, как прекрасные черты возлюбленного искажают ужас и отвращение. «Подобное зрелище попросту прикончит меня, – думала она, – лишит гордости, а возможно, и самой воли к жизни. Я и так последнее время живу, как животное, одними инстинктами – дышу, ем, убиваю».

«Сосредоточься на том, что происходит здесь и сейчас», – пресекла она поток мрачных размышлений.

Гидеон по-прежнему сидел в кресле с отсутствующим выражением лица и неуверенно переводил взгляд с ее окровавленных рук на распростертые на полу тела. Несколько мгновений прошли в полной тишине. Наконец он открыл рот и прохрипел что-то невнятное. Скарлет показалось, будто он спрашивает про охотников.

– Они мертвы, – отозвалась Скарлет. – Не надо благодарностей.

«В самом деле, зачем благодарить? – спросила она себя. – Я ведь всего лишь избавила его от изнурительного боя, в котором его могли ранить или даже убить».

Синие глаза гневно сверкнули.

– Я спросил про них, а не про тебя, – взревел он. – Ты ранена?

«Так он спрашивал про меня... – поняла Скарлет. – Неужели переживает?»

«Не смягчаться!» – напомнила себе Скарлет.

– Я в порядке. На мне ни царапины. Давай убираться отсюда, – предложила она, мысленно добавив: «Отныне каждый будет сам по себе». Мысль о разлуке неприятно кольнула сердце, но она сделала вид, что не заметила. – Я уверена, что скоро здесь будут еще охотники.

Гидеон ничего не ответил.

«Ну же! Беги! – гремело в ее голове, но она так и не двинулась с места. – Идиотка! Что тебе еще от него надо? – мысленно бранила себя она. – Ведь все точки в ваших отношениях уже расставлены».

Выходит, еще не все...

– Ты так и будешь там сидеть? – раздраженно бросила она.

Гидеон поднялся, по-прежнему сжимая в руках нож и пистолет.

– Ты ужасно управляешься со столовыми приборами, – протянул он.

Невидимая игла в груди Скарлет снова пришла в действие.

– Перестань меня захваливать, а не то я снова покажу тебе мастер-класс, – пригрозила она и задорно помахала перед ним перепачканной в крови вилкой.

– Да, пожалуйста. Я просто мечтаю о еще одном мастер-классе.

С этими словами Гидеон без тени страха прошел мимо нее и, согнувшись над охотниками, быстро обшарил их карманы и осмотрел тела.

– Они все с метками.

Скарлет неуверенно приблизилась. Все охотники набивали себе татуировки в виде знака бесконечности, что должно было означать: «Мы боремся за вечность, в которой нет места злу». «Почему же у этих ребят нет меток?» – спросила себя она, а затем предположила вслух:

– Наверное, это послушники. Я слышала, как кто-то из них говорил, будто, если они нас поймут, их куда-то возьмут. Видимо, имелся в виду элитный клуб под звучным названием «Я – охотник, я – дебил».

Гидеон поднялся и кивнул.

– Звучит неправдоподобно, – согласился он.

– Вот видишь: я умнее тебя, – уколола его Скарлет, борясь с искушением поправить прядь кобальтового цвета, только что упавшую ему на глаза. Хотя ощущения логического завершения по-прежнему не было, она скрепя сердце повторила: – Пойдем отсюда.

– Пойдем. – Однако вместо того чтобы направиться к двери, воин решительно шагнул в сторону Скарлет. Предполагаемые супруги оказались почти нос к носу. Неожиданная близость Гидеона, идущие от него тепло и чуть уловимый запах одеколона привели чувства женщины в полное смятение. – Но сначала не послушай внимательно, что я тебе скажу. Я очень не рад, что ты цела и невредима.

Его взгляд скользнул по ее лицу и остановился на губах.

«Он что, собирается поцеловать меня? – пронеслось в голове Скарлет, и она сглотнула. – Нет! Нет! Нет!»

– Гидеон... – начала она.

– Тихо, – оборвал он.

Его голова медленно склонилась, и их губы почти соприкоснулись.

«Нет! Нет, нет... Да! – проносилось в голове женщины. – Да, да, да!» Вытянувшись как струна, Скарлет застыла в сладостном предвкушении. Кровь кипела и клокотала у нее в жилах. «Каков он на вкус – такой же, как прежде, или иной? – спрашивала себя она. – Как целуется – как раньше или по-другому?» Ей важно было это знать. Быть может, тогда придет долгожданное ощущение логического конца и она найдет в себе силы зажечь новой жизнью.

Скарлет опустила веки, но в тот самый миг, когда, по ее расчетам, их уста должны были слиться в поцелуе, его пальцы обвили ее запястье и что-то тихонько щелкнуло. На руке повисла холодная тяжесть. Нахмурившись, Скарлет открыла глаза и опустила взгляд. Вокруг ее запястья серебрилось кольцо наручников, второе кольцо обвивало руку Гидеона. Женщина едва не задыхнулась от возмущения и злости. Она все поняла. «Ах ты... ублюдок!» – мысленно выругалась она.

Перед глазами повисла красная пелена. «Меня провели! – возмущалась Скарлет. – Чертов ублюдок провел меня! У него и в мыслях не было меня целовать. Он просто воспользовался моей минутной слабостью».

– Надеюсь, ты собой гордишься, – процедила Скарлет и с размаху всадила вилку в грудь Гидеона. Проворачивать ее, однако, женщина не стала. Вместо этого она с размаху ударила ладонью по черенку, загнав прибор в плоть обидчика во всю длину зубцов. Лицо воина исказила гримаса боли. – А еще я надеюсь, что ты понимаешь: эта выходка тебе очень дорого обойдется.

– Все что угодно, – прохрипел Гидеон сквозь стиснутые зубы, – лишь бы не быть с тобой.

«Лишь бы... быть со мной? – снова удивилась она. – Выходит, со мной он чувствует себя счастливее, чем без меня?» От этой мысли в недрах души Скарлет шевельнулась какая-то глупая радость. Тем не менее она нахмурилась и смерила собеседника грозным взглядом.

«Наивная дура! Этот человек только что снова предал тебя, а ты готова растаять, стоило ему бросить тебе, точно кость собаке, несколько лстивых слов! – обругала себя женщина. – Ему плевать на тебя! Ему нужны ответы, и больше ничего».

– Все, говоришь? – переспросила она и со всей силы ударила коленом ему в пах.

Воин согнулся пополам. Однако, стеная и лоя ртом воздух, он все же сумел выдать:

– Да.

«Вот и славно», – решила Скарлет, а вслух поинтересовалась:

– Итак, куда же мы направимся?

– На небеса, – процедил воин.

Скарлет не составило труда расшифровать, что имеется в виду. Их ожидала преприятная прогулка... напрямиком в ад.

Глава 4

Как только боль в паху немного утихла, Гидеон позвонил Люсьену, одержимому демоном Смерти, и попросил прибраться в отеле, после чего выволок упирающуюся Скарлет на улицу и, миновав несколько кварталов, нырнул на крытую автостоянку, где их дожидался внедорожник «кадиллак». Давно перевалило за полночь. Над головой беглецов раскинулось бескрайнее звездное небо, в центре которого серебрился величественный полумесяц. Гидеон держал наготове оружие, но ни охотники, ни послушники им по пути не встретились.

Ему не давал покоя вопрос о том, как те четверо из отеля их выследили. У них ведь даже особой подготовки не было. Воин петлял по городу до тех пор, пока не удостоверился, что за ним нет хвоста. «Но если не хвост, то что же тогда?» – рассуждал он. Объяснения могло быть только два. Либо за ним следил, а потом сдал с потрохами кто-то из небожителей, либо те парни случайно оказались в отеле, когда он регистрировался. В такие совпадения Гидеон не верил, так что первая догадка казалась ему более вероятной. Когда Кронос стал помогать Владыкам, Верховная богиня Рея, чтобы насолить мужу, с которым воевала, заняла сторону охотников. «Но почему она отправила послушников, а не настоящих охотников? – спрашивал себя воин. – И означает ли происшествие в отеле, что, где бы я ни укрылся, через некоторое время по мою душу туда нагрянут недруги? Вероятнее всего, так...»

Гидеон включил задний ход и, стиснув пальцами руль, с силой вдавил педаль газа.

– Зачем это ты так лихачишь? – спросила Скарлет.

Будничный тон, которым был задан вопрос, не обманул воина. Скарлет по-прежнему злилась. У него сейчас не было ни сил, ни желания с ней пререкаться, поэтому он просто молча вел автомобиль. Когда темный гараж остался позади, автомобиль ускорил ход. В столь поздний час дороги были почти пусты, и все же Гидеон то и дело бросал тревожные взгляды в зеркало заднего вида – мало ли что.

– Ты нарываешься на еще один удар вилкой, – буркнула Скарлет.

Не обращая внимания на ее слова, Гидеон закричал:

– Крон! – Ему меньше всего хотелось обращаться за помощью к царю титанов, но другого выбора просто не было. – Ты мне не нужен!

Его пассажирка напряглась.

– Крон? Это Кронос, что ли?

Гидеон кивнул.

Скарлет яростно зашипела и рванула на себя кольцо наручников.

– Какого хрена тебе от него надо? Я его ненавижу! – вскричала она.

«Есть на этом свете хоть кто-то, кого она не ненавидит?» – мысленно поинтересовался Гидеон.

– Мы потом помолчим, ладно?

– Выпусти меня и тогда болтай с ним сколько влезет! – завизжала Скарлет.

В ее голосе воину послышался какой-то странный, прежде не слышанный им надрыв. Такого отчаяния Скарлет не проявляла даже тогда, когда набросилась на него в отеле с вилкой. Между тем истерика Скарлет нарастала. Отчаянно дергая руку в наручнике, она извернулась на пассажирском сиденье и принялась колотить в дверцу ногами. Гидеону стало казаться, будто женщине страшно. «Она боится Кроноса? – удивился он. – Час назад она хладнокровно дала бой четверым вооруженным, как мы тогда думали, охотникам, а теперь трепещет от одного имени титана? Бред. Быть такого не может».

– Я должен немедленно... не увидеть его. – Желудок Гидеона свело судорогой. Он едва не сказал правду, чуть не заявил Скарлет, что должен сейчас же увидаться с богом. В самый последний миг он спохватился и вставил спасительное «не». – Это – вопрос не жизни и смерти.

– Мне плевать! – визжала Скарлет, сотрясая дверь. Пластик жалобно хрустел под ударами ее ботинок. – Я не желаю его видеть!

«Ну да, никаких сомнений быть не может, – решил Гидеон. – Скарлет страшно. Но почему?» Однако вместо того, чтобы прямо спросить ее об этом, воин, понимая, что правдивого ответа все равно не услышит, решил сменить тему, чтобы отвлечь женщину и помочь ей немного успокоиться. Если она продолжит с такой силой дергать наручники, то он снова останется без руки.

– Почему ты не убила тех ребят в отеле? – спросил он.

Он поступил бы точно так же, но ведь он – мужчина. «Девушкам полагается быть милосердными и все такое... Разве не так?» – спросил себя он.

– Что мне с ними было делать? – недоуменно обернулась к нему Скарлет, разом забыв и про наручники, и про дверь.

– Ну... мы могли бы их связать и ублажать, пока они не выложили бы все адреса, пароли и явки.

Под «ублажать» он имел в виду «пытать». Скарлет прекрасно его поняла, но не смогла отказать себе в удовольствии поиздеваться.

– Вау, Гид! От тебя такого не ожидала! Впрочем, понимаю: они были ничего. Особенно блондин. Ха! Так и представляю, как ты делаешь ему эротический массаж.

А вот эту интонацию, приторно-сладкую, как патока, и едкую, будто кислота, Гидеон знал очень хорошо. В такие моменты ему хотелось засунуть в рот Скарлет кляп. Но блондин, насколько мог судить о мужской красоте Гидеон, и в самом деле был ничего, поэтому неудивительно, что Скарлет со своей страстью к светловолосым мужчинам обратила на него внимание. «Чертовы блондины! – выругался он мысленно. – Моя жена не должна... – Но он быстро одернул себя: – Ты не знаешь наверняка, жена она тебе или нет».

«Выходит, что, скорее всего, да, – продолжал рассуждать Гидеон. – Ну а если и жена, то что тогда?»

Воин знал, что, как бы то ни было, когда придет конец их маленьким каникулам, он все равно вернет Скарлет в подземелье. Едва ли от этого в ее сердце прибавится к нему любви. Впрочем, ее и сейчас было немного, доказательством чему была неунимающаяся боль в паху. Но несмотря на все доводы рассудка, в душу воина снова закралось чувство вины и принялось с остервенением его терзать.

«Я все делаю правильно», – упрямо твердил он.

Картину полного душевного хаоса довершил демон Лжи, внезапно вклинившийся в его переживания и размышления.

«Не мое! Не мое! – принялся надрываться демон. – Не мое!»

«Заткнись! Тебя только не хватало!» – отрезал Гидеон.

– Так почему ты их не убила? – продолжил он разговор.

Спутница пожала обманчиво хрупкими плечами.

– Они пришли, чтобы навредить нам. Оставь я их в живых, они бы рано или поздно вернулись. И не одни, а с приятелями.

Ее слова прозвучали здраво, но было в них и что-то такое, отчего желудок Гидеона болезненно сжался. Убежденность, с какой она говорила, не оставляла сомнений: однажды с ней такое уже происходило. Кто-то желал ей смерти, но она пощадила его, и позже этот кто-то вернулся, причем с подкреплением, и сделал ей больно. «Ее изнасиловали? – спрашивал себя мужчина. – Избили?» Гидеон с такой силой стиснул руль, что побелели костяшки пальцев. Если бы, когда его выставили с небес, он вернулся за ней, как обещал, ничего этого, скорее всего, не случилось. Чувство вины обернулось раковой опухолью, разъедающей его внутренности. Гидеон открыл было рот, чтобы расспросить Скарлет, но осекся. Она не станет с ним откровенничать. «Ладно... потом спрошу, – решил он. – Когда мы окажемся в одной постели.

Виноват я перед ней или нет, но от своего плана соблазнения ни за что не откажусь». От него ведь не укрылось, как она смотрела на него в отеле. Нет сомнений: если бы он поцеловал ее тогда, она бы ответила на поцелуй со всей страстью, на какую способна. При воспоминании об этом воина вновь охватило желание.

– Почему ты молчишь? – спросила Скарлет. – Или уже забыл, о чем мы только что говорили?

«Ну вот, опять она начинает! – возмутился Гидеон. – Я, между прочим, стараюсь изо всех сил... Я не виноват, что лишился памяти! Кстати, о памяти. Надо будет спросить об этом Кроноса».

– Крон! – снова закричал он.

Скарлет рванула руку и принялась высаживать дверь с утроенной силой.

– Я же сказала: не желаю его видеть! Я же говорила...

Окончания фразы Гидеон не услышал. Руль, светофоры, пустынная улица, освещенная неверным светом фонарей, – все это в одночасье исчезло, уступив место пушистым белым облакам, простиравшимся насколько хватало глаз. Наручников не было, Скарлет тоже. Стараясь сдерживать нарастающий ужас, Гидеон начал судорожно озираться в поисках спутницы, но, кроме облаков, ничего и никого так и не увидел.

– Скар! – крикнул он во всю мощь легких.

Сердце бешено колотилось о ребра. «Где же она? – спрашивал себя воин. – Где? Я должен...»

– Успокойся, Ложь. Для твоей женщины на земле время замерло.

Резко обернувшись на голос, Гидеон уперся взглядом в Верховного бога титанов и едва не раскрыл рот от удивления. При каждой новой встрече Кронос выглядел чуть моложе, но это уже был явный перебор. Серебро в волосах Кроноса уступило место медово-русым и золотистым оттенкам. Старческие морщины разгладились, и теперь небесный владыка мог похвастаться свежей упругой кожей, бронзовой от загара. Сильное, молодое тело царя утопало в складках белоснежной, как сами облака, туники, и только жилистые, испещренные шрамами голени, обвитые ремешками сандалий, выдавали в нем старого, много чего на своем веку повидавшего воина. От Кроноса исходили незримые волны могущества, которые Гидеон ощущал на физическом уровне. Когда до него докатывался очередной энергетический вал, приходилось напрягать силы, чтобы удержаться на ногах.

– Зачем ты призвал меня? – спросил царь.

– И в конце концов, – заговорил Гидеон, имея в виду, что сначала хочет сказать богу кое-что другое, – я не хочу, чтобы ты поклялся, что сказал неправду о земном времени.

Просьба прозвучала путано, но Кронос знал воина не хуже Скарлет, а потому, как и она, без труда продрался сквозь хитросплетения его речи.

– Даю слово, – ответил он. – Твоя женщина не разобьется. Более того, она вообще не узнает, что ты куда-то отлучался. Теперь ты счастлив?

Голос Кроноса прозвучал немного раздраженно, но не сердито, что очень обрадовало воина.

– Нет. Несчастен. – С плеч Гидеона точно гора рухнула. – Проклятье!

– Означает ли это, что ты простил меня за случай с Аэроном? За то, что я не сказал, где искать его душу.

«Нет! Никогда!» – мысленно отрезал Гидеон.

Однако, поскольку озвучить этот ответ было бы самоубийством, Гидеон предпочел промолчать. Зато теперь ему стало понятно, чем вызван миролюбивый настрой Верховного бога.

– Я поступил так ради вашего же блага, – не дождавшись ответа, уже чуть резче проговорил Кронос.

«Вот, значит, как? – подумал Гидеон. – Очень интересно...»

– Ты бессмертный, а не бог, поэтому многого не понимаешь. Но однажды ты еще скажешь мне спасибо. – Кронос сморщился и с оттенком отвращения в голосе продолжил: – Не могу поверить, что оправдываюсь перед тобой! Мне рассказывали о бесстрашных воинах, а в итоге под моим началом оказалась кучка малых детей, с которыми приходится нянчиться и сюсюкать!

Гидеон едва сдержался, чтобы не закатить глаза. «Нянчиться? – мысленно возмутился он. – Со мной? Ха!»

– Ты не...

– Следи за языком, Ложь! – Глаза цвета обсидиана полыхнули гневом. – Если, конечно, не хочешь остаться без него.

Воин неохотно кивнул.

– Так-то лучше, – прищелкнул языком Кронос, явно довольный тем, что к его угрозе отнеслись серьезно. – Итак, спрашиваю в последний раз. Зачем ты призвал меня?

«Хочу на день рождения голову твоей жены на обеденном блюде, не обязательно серебряном. Стекло, фарфор, алюминий – сойдет любой материал», – мысленно отозвался воин. Вслух же он произнес:

– Хотел сказать тебе, что твоя жена... тот еще подарочек.

Его нутро сжалось в ожидании бури, а рука инстинктивно потянулась к кинжалу.

– Если под «подарочком» понимается куча мусора, – сухо отозвался Кронос, – то да, с этим поспорить сложно.

Гидеон знал: Верховный бог сказал то, что действительно думал и чувствовал. Демон Лжи принялся с отвращением отплевываться, сам же воин облегченно отнял руку от рукояти кинжала. Очень хорошо, что их с Кроносом мнения совпали.

– Дело как раз не в ней, – продолжил он. – Мне не кажется, что она следит за каждым нашим шагом и, как только мы где-то останавливаемся, подсылает туда убийц.

– Я знаю. Уже давно знал, – признался Кронос, потирая переносицу. – Проклятая баба! От нее вечно одна головная боль...

«Опять правда», – понял Гидеон.

– Как ей помочь? – спросил он, пытаясь узнать, как помешать богине. Ему хотелось услышать правду, обойтись без всех этих дурацких шарад. – Она не успокоится, пока не воскресит нас... То-то Гален расстроится, что между ним и тобой больше никто не стоит.

Взору Даники, возлюбленной Рейеса и по совместительству хранительницы Всевидающего Ока, были доступны не только бездны ада и небесные чертоги, но и будущее, заглянув в которое она однажды увидела, как Гален обезглавливает Кроноса. Собственно, только по этой причине Верховный бог и стал помогать Владыкам. Хотя было еще кое-что, о чем Гидеон узнал совсем недавно. Кронос тоже носил в себе демона – Жадность. В бытность узником Тартара он, подобно Скарлет, оказался в числе тех, кому выпало несчастье приютить «лишних» духов.

Верховный бог ходил взад-вперед перед Гидеоном и напряженно думал. Энергетические волны, колебавшие воздух, стали настолько сильными, что, казалось, еще немного – и он начнет потрескивать.

– После того, что случилось с вашим обожаемым Аэроном, я сделал амулеты, по одному для каждого. Наденешь его – и Рея не сможет следить за тобой.

«Правда, – понял Гидеон. – Восхитительная, спасительная правда!»

– Не давай мне его! – почти закричал он.

«Дай! Дай! Дай! – мысленно повторял воин. – Пожалуйста! Прямо сейчас!»

Кронос продолжал нарезать круги по облаку.

– Штука в том, что тогда никто из богов не сможет следить за тобой.

«И прежде всего, ясное дело, он сам... – понял Гидеон. – Этот ублюдок жить не может без того, чтобы совать нос в чужие дела».

– На кону не только и не столько твоя жизнь, сколько моя собственная, так что... Оно того не стоит! Не давай его сюда! – Сказав это, Гидеон протянул вперед руку ладонью вверх и пошевелил пальцами. Ему не терпелось забрать амулет и вернуться к Скарлет – он вдруг с удивлением осознал, что скучает по ней.

– Значит, так, – сказал царь богов, продолжая двигаться вперед-назад. – Я дам по амулету тебе и твоим друзьям, но вы будете каждый день докладывать мне, кто где был и что делал. Ослушаетесь, и я лично явлюсь в крепость и посрываю с вас амулеты. Вместе с головой. Это ясно?

Гидеон не стал напоминать собеседнику, что, исполни он свою угрозу, демоны обретут свободу и, вероятнее всего, начнут буйствовать, а виновника беспорядков, независимо от того, Верховный бог он или нет, постигнет жесточайшее наказание. Откровенно говоря, когда титаны взяли власть, воинов оставили в живых только поэтому. Кронос мечтал стереть их с лица земли, но побоялся кары. Хоть он и называл себя царем царей, но в мире бессмертных был лишь вторым, уступая могуществом таинственной сущности, спасшей жизнь Аэрону, перед величием и силой которой, по словам Оливии, некогда отступила сама смерть, – Единственному Истинному Богу. Впрочем, быть может, убийство воинов и сойдет Кроносу с рук, а злые духи просто-напросто обретут новых хозяев. Как недавно выяснилось, именно это произошло с демоном их друга Бадена – Неверием. Когда Баден погиб, лишившегося тела демона поместили в одну из охотниц. Гидеон часто задавался вопросом: поднимется ли у него рука на эту охотницу, случись им скрестить клинки? Едва ли, и не потому, что она женщина. Ему доводилось убивать представительниц прекрасного пола, и не раз, – отношение к женщинам как к равным, особенно на войне, было своеобразным кредо воинов, оставшихся в Греции под началом Сабина. Но в этой охотнице живет частичка Бадена... Убив ее, он погубит и своего друга.

– Ложь! Ты меня слушаешь? – выдернул его из размышлений Кронос. – Тебе все ясно?

«Одну минутку... Что?» Гидеон с усилием вынырнул из трясины невеселых мыслей.

– Что? – спросил он.

Лицо царя богов стало пунцовым, и явно не от стыда.

– Я никогда не повторяю дважды! Либо вы будете каждый день передо мной отчитываться, либо не видать вам амулетов, как собственных ушей! Ты меня понял? – рявкнул Кронос, сверкая черными глазами.

«Амулеты... – пронеслось в голове Гидеона. – Ну конечно! Зачем так горячиться?»

– Нет. Я ничего не понял, – ответил он.

Кронос наконец перестал ходить и уставился на воина. Хотя его ноздри по-прежнему устрашающе раздувались, глаза вновь стали золотыми, как в начале беседы.

– Вот и отлично.

Произнеся эти слова, Верховный бог протянул руку, обращенную вверх пустой ладонью, над которой за искрились синие огоньки, и Гидеон с удивлением наблюдал, как среди этого мерцания постепенно вырисовываются очертания двух предметов. Через несколько мгновений взору воина предстала пара кулонов в виде бабочки, крылья которой были инкрустированы крошечными рубинами, сапфирами, слоновой костью, ониксом и опалом. Камни горели огнем и выглядели точно живые. Висела эта бабочка на серебряной цепочке. «Красиво, конечно, но...» – подумал Гидеон.

– Я же буду выглядеть как мальчишка! – вырвалось у него.

Царь богов угрожающе зарычал.

– Ты чем-то недоволен, Ложь? Я ведь могу...

– Да, да! Не прошу прощения! Я очень не хочу их! – выпалил воин и поспешно схватил кулоны, один из которых тут же надел.

Горячий металл обжег кожу, но Гидеон терпел. Второй амулет отправился в карман.

«Какую бы придумать уловку, чтобы убедить Скарлет надеть его?» – мысленно задался он вопросом.

– А мои враги? – спросил он, имея в виду своих друзей.

– Я навещу крепость.

«Правда, – понял Гидеон, а потом задал себе вопрос: – С чего бы суровому богу проявлять такую услужливость? Видимо, я о чем-то не знаю... А, ладно. Я получил что хотел, и это главное».

Гидеон кивнул.

– Огромное тебе проклятие! – поблагодарил он.

– Если это все...

– Да, нет еще кое-чего, – поспешно проговорил воин. – Скарлет не утверждает, что мы были женаты, и я не понимаю...

– Скарлет? – Глаза царя богов вновь из золотистых сделались обсидиановыми. – Дочь Реи?

Гидеон растерянно заморгал. Скарлет – дочь Реи?

– Ты не ее отец? – прохрипел он.

Это объяснило бы то, что у них обоих глаза похожего цвета.

– Нет! – рявкнул Кронос, и в этом возгласе было столько презрения, что, будь оно водой, Гидеона бы попросту смыло с небес. – Еще раз позволишь себе подобное святотатство – и я обещаю: тебя постигнут такие страдания, что свет станет не мил!

«Что так рассердило Верховного бога? – удивился Гидеон. – Почему он оскорбился? Даже если он ей не отец, ему должно было бы польстить подобное предположение. Скарлет – красивая, умная, отважная женщина, называться родителем которой – несомненная честь». Воин невольно стиснул кулаки, хотя и пытался убедить себя, что не злится. По крайней мере, Кронос ему (если, конечно, Скарлет говорит правду и они были женаты) не тесть, что его очень обрадовало. Сабин был женат на дочери Галена, и Гидеон не понаслышке знал, чем может быть чревато подобное родство. «Нет уж, увольте!» – решил он.

– Шлюха-мать родила ее от какого-то смертного, – гневно продолжал Кронос. – Так вот кто был с тобой в машине! Похоже, в последнее время я плохо за тобой присматривал, Ложь. Я знал, что девчонка у вас, но и понятия не имел, что ты увез ее из замка, причем без моего разрешения! Мне бы следовало наказать тебя.

«И снова правда, – понял Гидеон. – Надо как-то осторожно утихомирить его».

«Не мое!» – неожиданно заорал демон. В его словах и тоне, которым они были сказаны, таилась явная угроза небесному владыке. Слава богам, что тот не мог подслушать, что творится в голове у его собеседника.

«Тихо ты!» – мысленно рявкнул он на Ложь.

– Не прощай меня, великий! – «Почему это Кронос тут же не наслал на меня адские муки, как только я назвал его великим?» – удивился Гидеон. Ведь Верховный бог прекрасно знал, что воин употребил это слово как оскорбление. – Как я не сказал, Скарлет не утверждает, что мы были женаты. А я это помню. Я не решил сделать вид, что у меня проснулись к ней чувства, и под этим предлогом вывести чуть больше. А потом я не верну ее назад в подземелье.

– Женаты? Ты и Скарлет? – нахмурился Кронос. – Все знали, что она запала на тебя с первого взгляда, но ни о романе, ни тем более о женитьбе я ничего не слышал.

«Запала на меня? – опять удивился Гидеон. – С первого взгляда?» Мужчину вдруг охватило непреодолимое желание выпятить грудь и колотить по ней кулаками, подобно горилле. «Так, значит, я нравлюсь ей и всегда нравился, а ее мнимая любовь к блондинам – просто показуха», – подумал он. – Слава богам!» Теперь он был уверен: ему не составит труда смягчить гнев Скарлет и завлечь ее в свои сети.

– Ты, случайно, знаешь, кто не мог стереть из моей памяти воспоминания о ней? – спросил он.

Кронос ответил не сразу. Над белой кучерявой поверхностью облака повисла гнетущая тишина. Наконец царь богов облизнул губы и не очень уверенно протянул:

– Нет.

Демон в голове Гидеона заурчал. Кронос только что соврал. Он знает того, кто мог бы проверить такой трюк. «Но кто же это?» – спросил себя воин.

– Почему...

– Довольно вопросов! – раздраженно отрезал Кронос. – Просто... Держи с ней ухо остро. Она очень опасна. Иначе я бы уже давно с ней разобрался.

«Ты и пальцем ее не посмеешь тронуть!» – едва не заорал Гидеон, несмотря на то что его демон снова заурчал.

Царь богов снова солгал. «Интересно, в чем именно? – спрашивал себя воин. – Про опасность? Или про «разобрался бы»? А может, и про то, и про другое?»

Гидеону не было дела до того, опасна Скарлет или нет. В конце концов, они не чужие друг другу. Может быть. «Но в постель я ее в любом случае уложу, – решил он. – Если это не вернет мне память, то уже ничто не вернет. А вдруг после близости она решит помочь мне и остальным в войне с Галеном и его приспешниками? Это было бы просто прекрасно! Тогда мне не придется возвращать ее в подземелье вопреки данному Кроносу слову. Но ведь для Верховного бога главное – победа, разве нет? Скарлет перебьет врагов, пока они спят, избавив нас от необходимости бросать бомбы, орудовать клинками и палить из пистолетов, и все будут счастливы».

Сценарий, развернувшийся в сознании воина, казался безупречным. «Ну хорошо, одно уязвимое место у него все-таки есть, – вынужден был признать он, – но столь незначительное, что о нем и упоминать не стоит».

«А говорил, что никогда не врешь себе...» – подумал Гидеон и с силой прикусил язык.

Рот заполнил металлический привкус. «Ну хорошо, хорошо... – продолжил размышлять он. – Это не просто уязвимое место, а настоящая ахиллесова пята, которая делает весь план лишь жалкой грезой». Гидеон знал, что никогда не сможет довериться Скарлет, потому что ее сознание было для него закрытой книгой. И после того, что он ей сделал, она никогда не станет помогать ему. А это означает, что, как бы она ни тянулась к нему, ей предстоит вернуться в подземелье.

– Где ты опять витаешь, Ложь? – вздохнул Кронос. – Я от тебя устал.

Гидеон встрепенулся. Он тоже от себя устал. Мыслей в голове много, а толку от них ноль.

– Мне не надо спросить у тебя еще кое-что, – спохватился он. – Скарлет... в тюрьме ее кто-нибудь... не обижал?

Последнее слово он выдал с явным усилием.

Глаза царя богов полыхнули мрачным светом, после чего его лицо приняло непроницаемое выражение.

– Разговор окончен. У тебя полно дел. У меня тоже. Так что...

Было понятно, что Кронос не желал говорить о Скарлет. «Черт бы его побрал!» – выругался про себя воин. Хотя душа Гидеона, как и Ложь, отчаянно протестовала, ему пришлось сменить тему. Он должен был узнать еще кое-что, прежде чем его отправят восвояси.

– У меня нет к тебе еще одной просьбы, – быстро проговорил он. – Оливия сказала, что Сиенна не у тебя.

Сиенна, возлюбленная Париса, умерла прямо у него на руках. Вероятно, он до сих пор не оправился от потери... Гидеон всегда узнавал о подобных вещах последним. Ему почему-то никто ничего не рассказывал. Парис ничего не говорил ему о Сиенне. Зато Оливия, которая обожала делиться подробностями своей жизни не меньше, чем обсуждать дела других, в оче-

редном порыве откровенности поведала ему, что Кронос забрал Сиенну на небеса и какое-то время держал ее при себе, а потом, когда демон Ярости вырвался из тела Аэрона, вселил его в девушку. «Как же она, должно быть, сейчас страдает... – думал Гидеон. – До тех пор, пока Сиенна не научится контролировать демона, а это произойдет не скоро, он будет безраздельно распоряжаться ее сознанием и телом, толкая на поступки, которые станут терзать ее память до скончания веков».

– Да, она у меня, – неохотно подтвердил Кронос.

Ложь зашипел, услышав правду.

– Могу я не увидеть ее? – спросил Гидеон.

Парис будет рад получить вести о возлюбленной.

– Нет, не можешь, – отрезал Кронос. – И на сей раз разговор действительно окончен. Ты уже и так слишком злоупотребил моим терпением и гостеприимством.

С этими словами Кронос взмахнул рукой, и в следующее мгновение Гидеон очутился за рулем «кадиллака». За ветровым стеклом простиралась ночная улица, запястье оттягивали наручники. От неожиданности воин дернул руль, и машина, визжа покрышками, вылетела на встречную полосу, по которой, сверкая фарами, несясь другой автомобиль. Еще немного, и машины впечатались бы друг в друга. В последнее мгновение Гидеон рванул руль в противоположную сторону, и здоровенный джип, сигналив, благополучно промчался мимо.

– Какого хрена ты творишь? – взвизгнула Скарлет, когда обрела дар речи. – Если ты думаешь, что, вылетев через ветровое стекло, я стану покладистее, то сильно ошибаешься!

Демон в голове Гидеона удовлетворенно выдохнул: «Не мое!»

Гидеон не стал рассказывать Скарлет о том, что с ним произошло. Судя по всему, она очень сильно ненавидела Кроноса, и воин не знал, как она отреагирует на его рассказ. «Интересно, откуда взялась эта ненависть? – спросил себя Гидеон. – Впрочем, сейчас есть более важные вопросы. Как заставить Скарлет надеть амулет?» И тут Гидеона осенило: все женщины обожают получать подарки.

«Хорошая идея. Главное – не пропалиться», – пронеслось у него в голове.

– Скар... – начал он. – Не залезай, пожалуйста, ко мне в карман.

Повисло тяжелое молчание.

– Вот еще, – наконец сухо отрезала она.

– Я не припас для тебя подарок.

В ее темных глазах засветилось любопытство, но она мешкала.

– Если подарком окажется стоячий член, – с подозрением протянула она, – так и знай: когда я засуну его назад (а я обязательно сделаю это), он будет намного короче, чем сейчас.

Уголки губ Гидеона дрогнули – он силился сдержать улыбку. У него между ног действительно все затвердело. Одного присутствия этой женщины хватало, чтобы пробудить в нем желание. А еще ему очень нравился ее пошловатый юмор.

– Этого ты тоже там не найдешь, – заявил он. – Но подарок – не другое.

На сей раз дрогнули уголки губ Скарлет.

Такое уже случалось, но он никогда не видел ее улыбающейся. По-настоящему улыбающейся. И ему очень хотелось этого. И вдруг он будто наяву увидел прекрасное лицо своей спутницы, озаренное светом улыбки. Румянец залил нежные щеки, белоснежные ровные зубы поблескивали из-за красивых пухлых губ. Веки слегка прикрыты, в глазах лукавое сияние. Гидеон с усилием втянул в себя воздух и стал размышлять над тем, что это было – воспоминание из их былой совместной жизни или нечто другое.

– Ну ладно, – проворчала она и осторожно запустила руку в его карман.

Ее пальцы слегка подрагивали и продвигались довольно медленно, она явно опасалась задеть то, о чем они говорили. Наконец Скарлет добралась до дна кармана, и ее кожу опалил жар амулета. От неожиданности она ойкнула и дернула рукой. Гидеону пришлось плотно стис-

нуть губы, чтобы удержать рвущийся наружу стон наслаждения. Ее прикосновение... Согни она немного запястье, буквально на пару градусов, и его восставшая плоть почувствовала бы тепло ее кожи. Гидеону хотелось этого не меньше, а может, даже чуть больше, чем увидеть ее улыбку. Однако Скарлет поспешно и не сгибая запястья извлекла руку из кармана и принялась рассматривать амулет.

– Что это? – спросила она, и в ее тоне послышались нотки разочарования.

– Серьги. Не такие же, как мои, – отозвался он и быстрым движением выудил из-под ворота футболки кулон.

Скарлет внимательно проследила взглядом за его рукой.

– О! – только и смогла воскликнуть она. От разочарования, если оно и было, не осталось и следа. – Но... почему ты захотел, чтобы у нас были одинаковые кулоны?

Теперь в ее голосе одновременно звучали радость, печаль и сомнение. Создавалось впечатление, будто подарок ее обрадовал, потому что стал свидетельством того, что Гидеон заботится о ней, но в то же время расстроил из-за того, что даритель ее не помнит, и, наконец, вселил в ее сердце смуту и сомнение, ибо словно бы намекал на совместное будущее.

– Так почему? – нетерпеливо переспросила она.

Гидеон пожал плечами. Ответить он не мог – ложь тут же откроется, а правда больно ранит его спутницу и навредит его замыслам. Пусть лучше думает, что он специально пошел в магазин и выбрал одинаковые украшения, чтобы они служили символом того, что между ними когда-то было и, возможно, еще возродится в будущем.

– Когда ты купил их? – продолжала расспрашивать женщина.

Воин снова пожал плечами.

Скарлет скривила губы и резким движением надела кулон на шею. Как только бабочка мирно упокоилась на ее груди, Гидеон едва не закричал от облегчения. «Ура! – пронеслось в его голове. – Она его надела! Надела!» Теперь они оба были защищены от нескромных взглядов. Вздумай Скарлет упорствовать, им предстояло бы непростое объяснение. Ночь внезапно показалась мужчине намного более светлой и приветливой.

– Ты, кстати, с этим кулоном выглядишь очень по-дурацки, – не удержалась от шпильки Скарлет. – Как девчонка.

С одной стороны, слова спутницы подтвердили его опасение, с другой – в глубине души он знал: она нападает на него только потому, что не может раскусить. «Как же это на нее похоже!» – подумал он, но затем снова осекся: – Ты размышляешь так, будто за это время успел досконально изучить ее».

– Так куда мы едем? – буркнула Скарлет.

Вместо ответа, ее ждало еще одно пожатие плечами. Гидеон и сам пока не знал, куда они направятся. У него впереди три с половиной дня, вернее, ночи, чтобы начать ухаживать за Скарлет и завоевать ее. Три с половиной ночи на то, чтобы узнать об их совместном прошлом. Так что нужно ехать куда-то, где можно будет настроиться на романтический лад. «Но куда?» – спрашивал себя он, а затем невесело подумал: – Вдоль и поперек? Как же! Она для меня – тайна за семью печатями».

Он понятия не имел, какие у Скарлет представления о романтике, что ей больше придется по душе – уединенный домик в лесу или уютный отель.

Воин вздохнул.

– Не говори, есть ли такое место, где ты всегда мечтала побывать, но не доводилось? – спросил он.

– Ты хочешь поболтать? – с издевкой протянула Скарлет. – А я – нет.

С этими словами женщина подалась вперед и, включив радио, поймала волну, на которой крутили рок. Выставив звук на максимум, она откинулась на сиденье и отвернулась к окну.

«Все с ней понятно... – решил Гидеон. – Дальнейшие расспросы явно бессмысленны».

Глава 5

Несколько часов прошло в молчании. Из динамика магнитолы продолжали разливаться по салону тяжелые ломаные ритмы, столь милые сердцу Скарлет.

«О, боги, как жаль, что мой айпод остался в камере!» – мысленно вздохнула она.

Будь у нее в ушах по наушнику, она закрыла бы глаза и представила бы, что находится дома. Настоящего дома у Скарлет, конечно, никогда не было... Но ей очень хотелось оказаться подальше от этого автомобиля, где она заперта с человеком, которого многие столетия любила и одновременно ненавидела, человеком, которого до сих пор желала с такой силой и страстью, что дольше обманывать себя и делать вид, будто это не так, было просто невозможно. И все же она продолжит эту игру, будет и дальше сопротивляться своим чувствам, потому что в противном случае он снова разобьет ей сердце, попользуется, а потом забудет.

Горячий металл обжигал женщине грудь.

Гидеон сделал ей подарок – кулон в виде бабочки, красивее которого она в жизни не видела, к тому же точную копию его собственного. Когда она достала из кармана украшение, ее охватило нестерпимое желание вскочить к воину на колени и покрыть поцелуями его прекрасное лицо. Ей захотелось нежно закусить зубами серебристое колечко у него в губе, почувствовать, как сталкиваются их языки. А он бы крепко обнял ее и принялся нашептывать ей на ушко: «Скар! О, Скар!»

И все же, несмотря на этот шквал переживаний, от женщины не укрылось, что ее спутнику было не по себе. В его тоне и движениях сквозило что-то очень похожее на неловкость или даже стыд. «Но почему? – спрашивала себя она. – Он боится, что я усмотрю в его жесте больше, чем в нем есть на самом деле? Опасается, что вскочу к нему на колени и примусь покрывать поцелуями его красивое лицо?»

Это было единственное объяснение, пришедшее ей на ум. И оно казалось все более правдоподобным, ведь ублюдок даже не попытался выключить музыку и снова с ней заговорить. «Что он почувствовал, когда по моей милости лишился возможности вести беседу? – спрашивала себя Скарлет. – А вдруг облегчение? – Сердце женщины болезненно сжалось. – Да нет, быть такого не может! – стала успокаивать себя она. – Ведь он вытащил меня из тюрьмы именно для беседы по душам. Что ж, тогда ему следует проявить большую настойчивость...» Впрочем, как бы воин ни старался, Скарлет ему все равно ничего не собиралась говорить, потому что знала: как только его любопытство будет удовлетворено, он попытается вернуть ее в замок, в камеру, а значит, она должна сбежать от него.

Собственно, она задумала, не дожидаясь развязки, сделать это завтра.

Его друзья, наверное, придут в ярость, когда узнают, что он потерял пленницу, но это не ее забота. Кроме того, ему предстоит в одиночестве возвращаться в город, кишящий охотниками. Впрочем, это опять же не ее головная боль. У нее своих бед хоть отбавляй. «Вот, кстати, и одна из них», – печально подумала женщина.

За окнами автомобиля занималась заря. Скарлет напряглась, с тоской ожидая неизбежного. Внезапно по ее телу разлилась нечеловеческая слабость. Голова безвольно повисла, руки налились свинцом. Веки опустились, и поднять их она уже не смогла. Сознание заволокло темной дымкой, подобной паутине.

«Паутина... пауки... Гидеон боится пауков... – мелькнуло в ее угасающем сознании. – Забавно, что я сейчас об этом вдруг вспомнила».

Дымка делалась все гуще, пока наконец не превратилась в непроницаемый мрак, тут же взорвавшийся тысячами разноголосых воплей, которые сливались, перекрывали друг друга, громоздились один поверх другого. Отныне и до захода солнца демон Ночных Кошмаров будет охотиться, а Скарлет, хочет она того или нет, – его сопровождать. Радостно хохоча, демон

сорвался с места и принялся увлекать ее в недра темного, туманного царства с бессчетным числом дверей, каждая из которых была вратами в чье-то сознание. Открытая дверь означала, что человек спит, и демон может свободно в нее войти. Не имело ни малейшего значения, где именно находился спящий, на каком континенте или в каком часовом поясе. Дети и взрослые, мужчины и женщины, смертные и небожители – в глазах голодного демона все они были лакомой и легкой добычей.

Один взгляд на дверь – и тварь, а с ней и Скарлет, уже знала, кому именно она принадлежит, что это за человек и чего он больше всего боится.

«Как в случае с Гидеоном и его глупым страхом перед пауками», – снова улыбнулась про себя Скарлет.

В этой широкой, мощной груди билось сердце истинного воина, которое, сколько бы врагов ни кидалось на его владельца с мечами и пистолетами, ни на такт не ускоряло своей поступи. И кто бы мог подумать, что такой человек едва не обмочится при виде крошечного насекомого. Впрочем, его можно понять. Скарлет тоже всей душой ненавидела насекомых. Камера в Тартаре буквально кишела ими. Они ползли из каждого темного угла, каждой трещинки в стене. Из-за них девушка каждый вечер просыпалась искушенная. И в синяках.

Впрочем, к последним насекомые отношения не имели. Так развлекались сокамерники Скарлет. Пользуясь тем, что девушка впадает в глубокий сон, они дни напролет жестоко избивали ее. И так продолжалось до тех пор, пока у Скарлет не лопнуло терпение. Она стала мстить за себя. Вторгалась в сны обидчиков и истязала их. Созданные ею кошмары становились явью, и люди просыпались в лужах собственной крови, без рук и ног. Кто-то не просыпался вообще.

«Кого мы хотим?» – спросил демон.

Этот вопрос они задавали друг другу чаще всего.

За долгие годы Скарлет и ее демон не только научились действовать сообща, но и даже сдружились. Они привыкли доверять и полагаться друг на друга. На самом деле демон был для Скарлет единственным близким существом.

«Пожалуй, какой-нибудь охотник будет в самый раз», – отозвалась Скарлет.

Женщина жаждала реванша за загубленный ужин.

«Идет!» – одобрил демон.

В голове Скарлет раздавался хохот демона, а со всех сторон мимо нее вихрем проносились двери. Наконец они остановились у одной из них. Чудовищных размеров дверь была приветливо отворена. Скарлет прислушалась. Изнутри доносились стоны наслаждения, перемежающиеся выкриками «еще!» и «пожалуйста!», и шлепки. Один голос принадлежал мужчине, другой – женщине. Все ясно: эротический сон.

«Кто это?» – спросила Скарлет.

«Гален. Предводитель охотников. Одержимый демоном Надежды», – прозвучало в ответ.

Скарлет нахмурилась. Этот человек сколотил армию и обрушил ее против Владык из-за того, что они одержимы, и вот теперь выясняется: в нем самом обитает демон. «Интересно, его не смущает противоречие?» Впрочем, Скарлет была почти не удивлена.

Ей всегда казалось, что в Галене больше от змеи, чем от человека. В бытность узницей Тартара она несколько раз его видела: они с Гидеоном вместе приводили новых пленников. Разговаривая с ее мужем, будущий главарь охотников был слаще меда, но стоило собеседнику отвернуться, как ему в спину впивался взгляд, полный злобы. Когда Гидеон сказал ей, будто благодаря своему другу Галену придумал, как выслужиться перед богами, чтобы, снискав их расположение, попросить для нее свободу, она умоляла его, что бы он ни задумал, не делать этого. Но муж, конечно, ее не послушал. Он не сомневался в успехе. А в итоге стал всеми отверженным изгнанником. Скарлет давно мечтала отомстить Галену за своего мужа, но сдерживалась. Это было бы на руку Гидеону и его друзьям, а она слишком злилась на него. Однако теперь, когда на ее груди пылал кулон в виде бабочки, все внутренние барьеры как будто пали.

«Ты готова?» – спросил демон.
На губах Скарлет расплылась улыбка.
«Поехали!» – скомандовала она.

Они шагнули в темный дверной проем и оказались в просторной ванной комнате. Перед Скарлет предстали уже знакомые ей по голосам участники любовной игры. Гален, высокий, накачанный блондин с голубыми глазами, вжимал спиной в раковину симпатичную белокурую женщину. Белоснежный мягкий кокон его крыльев частично скрыл ее фигурку, и все же Скарлет удалось разглядеть задранную до подбородка футболку и большие упругие груди. Пожирая взглядом аппетитные формы партнерши, охотник интенсивно работал тазом. Штаны девушки мотались у щиколоток, тогда как его собственные джинсы были лишь слегка расстегнуты.

«Ничего не видно... – отметила Скарлет. – А жаль».

Размер хозяйства и упругость зада его врага стали бы прекрасной темой для обсуждения с Гидеоном. «То-то бы он взбесился!» – усмехнулась она про себя.

«О! Целая бездна страхов!» – с благоговением воскликнул демон Ночных Кошмаров.

– Каких? – спросила Скарлет вслух, зная, что спящий Гален не услышит ее до тех пор, пока она сама этого не захочет.

«Одиночество! Поражение! Беспомощность! Тюрьма! Забвение! Смерть!» – перечислил демон.

«Ну надо же! – удивилась женщина. – Носителю демона Надежды следовало бы иметь чуть более оптимистичные взгляды на жизнь... А впрочем, ему же хуже!»

Скарлет прошла по ванной комнате, чтобы демон мог осмотреться. Гален ее не видел.

– Сделай так, чтобы он пожалел, что боги его создали! – велела женщина.

«С превеликим удовольствием!» – курлыкнул демон.

Внезапно извивающаяся, стонущая девушка превратилась в мужчину.

Гален замер, а затем, осознав подмену, вскрикнул и отшатнулся.

Скарлет покатила со смеху. «О, это обещает быть забавным, как никогда!» – решила она и потребовала:

– Еще.

Ванная исчезла. Мужчина тоже. В обе стороны, насколько хватало глаз, простирался длинный темный тоннель. Гален стал дико озираясь в тщетных попытках понять, где находится. В его глазах плескалась паника, кончики крыльев скребли по голым камням.

– Что происходит? – выдохнул он. – Где я?

Единственным ответом стало эхо его собственного голоса. Затем на него вновь навалилась гробовая тишина. Гален сорвался с места и кинулся по тоннелю. Но, сколько бы он ни бежал, конца не было видно. С каждым шагом его ужас возрастал в геометрической прогрессии. По вискам и спине струился холодный пот, в легких не хватало воздуха.

Демон пировал.

«До чего же вкусно! Ням-ням!» – восклицал он.

– Давай еще! – не унималась Скарлет.

«Хочешь поучаствовать?» – спросил он.

– С удовольствием!

«Выведи его из тоннеля, и я покажу ему будущее, – пообещал демон. – Будущее, которого он боится больше всего на свете».

Скарлет материализовалась в темноте тоннеля. Однако не в своем обличье, а в образе маленькой девочки, с которой она некогда познакомилась в Тартаре.

Ребенок провел в камере ровно один день. Его звали Судьба. Вокруг девочки все трепетали от страха, ибо каждое ее слово становилось былью. Бедняжка была слишком опасна, и олимпийцы ее быстро казнили. Но на этот единственный день Скарлет обрела в ее лице друга.

– Если ты поверишь своим глазам – лишишься мужа, – сказала ей тогда Судьба.

А потом Гидеон исчез и больше не вернулся... Как тут не поверить своим глазам?

С тех пор утек целый океан воды. «Интересно, узнает ли Гален девочку? – спрашивала себя Скарлет. – Впрочем, без разницы – для реализации моей задумки это не важно».

– Итак, начали, – скомандовала она, обращаясь к самой себе и демону.

Скарлет-Судьба появилась перед Галеном. Ее туника была заляпана грязью. Огромные голубые глаза лучились невинностью. Уголки губ печально опущены. Грива струящихся до пят волос огненного цвета давно не знала расчески.

– Подойди, – мягко сказала она и протянула маленькую, покрытую слоем грязи ручку. – Ты должен увидеть то, что тебя ожидает.

Гален споткнулся о собственную ногу и едва устоял. Пот катился с него ручьем. Грудь теснило удушье. Остановившись перед девочкой, он пролепетал:

– Ты кто?

«Значит, не узнал, – поняла Скарлет. – И почему у всех них такая короткая память?»

– Подойди, – повторила она. – Ты должен увидеть.

– Я... Да. Хорошо, – согласился Гален и вложил трясущуюся руку в детскую ладонь.

Скарлет повела спутника по коридору. Демон едва не выпрыгивал у нее из головы от радости и возбуждения. Наконец впереди показался свет. Осознавая всю значимость того, что ждет его, когда он выйдет из тоннеля, Гален затаил дыхание. Ноги от страха деревенели и отказывались повиноваться. Он попытался было вырвать руку, но не смог. Хрупкие с виду пальчики держали его стальной хваткой.

– Ты должен увидеть, – прошептала девочка. – Должен знать.

Они вышли из тоннеля и оказались на краю обрыва. Внизу расстилалось поле, сплошь усеянное мертвыми телами. Всюду была разлита кровь, и казалось, что даже воздух здесь неподвижен. На запястьях всех трупов был вытатуирован символ бесконечности. И в центре этого океана смерти стоял одинокий ратник – Гален, израненный, обессиленный, со сломанными крыльями. Казалось, еще немного – и он упадет.

При виде этого зрелища спящий Гален затрясся, будто в лихорадке. Ноги подломились, и он рухнул на колени, подняв вокруг себя облако земляной пыли.

– Нет! Нет! – не помня себя, ревел он.

По полю боя, решительно переступая через тела, к Галену приближался Гидеон. Копна синих волос развевалась на ветру, многочисленный пирсинг поблескивал в лучах солнца. Нижняя губа распухла, вместо серебристого колечка на ней зияла кровавая рана, а по подбородку стекала струйка крови. В одной руке он сжимал длинный острый меч, а в другой держал пистолет. Раздался смех. Ствол взмыл вверх, грянул выстрел. Гален рухнул на спину и, преодолевая боль, с усилием приподнялся на локте. На большее его сил не хватило. А Гидеон тем временем продолжал подходить все ближе и ближе.

– Нет! Нет! – надрывался спящий Гален. – Вставай! Дерись с ним!

Но поверженный охотник так и не поднялся. Гидеон занес меч и обрушил его на врага. Голова мертвого Галена отлетела в сторону.

– Нет! Нет!!! – Небесно-голубые глаза дико уставились на Скарлет. Казалось, от отчаяния Гален вот-вот лишится разума. Его лицо стало бледным, как у покойника, на лбу и висках вздулись синие вены. – Скажи, что я могу изменить это! Скажи, что это не моя судьба!

– Ты хочешь, чтобы я тебе соврала? – прошептал в ответ тонкий детский голосок.

Гален стиснул кулаки.

– Зачем ты мне это показала? Зачем?

– Чтобы...

Скарлет вынырнула из сна и рывком села на ложе, силясь отдышаться. «Вот черт! Я еще не закончила с Галеном!» – мысленно возмутилась она. Однако их с демоном время в царстве Морфея истекло, и путь назад откроется лишь через двенадцать часов. Зато демон остался

доволен. Чувства бессмертных по своей природе глубже и интенсивнее тех, что испытывают обычные люди. Гален же не просто испугался – он был на краю настоящего помешательства. Поэтому демон, сытый и радостный, мирно ретировался на задворки сознания хозяйки.

– Плохо, – раздался голос Гидеона. – Наконец ты заснула.

От звука этого густого, низкого голоса женщина вспыхнула изнутри, точно свечка, причем одновременно от гнева и желания.

«Прощай, веселый мир Морфея! Здравствуй, суровая реальность!» – вздохнула она про себя и стала озираться.

– Где мы? – спросила она.

– В одном очень неприятном месте.

Вокруг простирался лес, озаренный лучами заходящего солнца. Чуть в стороне из-под земли бил горячий источник, распространяя клубы пара. Периной женщине служил густой мох. На ней по-прежнему были синее платье и ботинки. Наручники Гидеон снял.

Перед тем как она врубила музыку в машине, воин пытался узнать, куда бы ей хотелось. Ответа не последовало, поэтому ее спутнику оставалось лишь ткнуть пальцем в небо. И невероятно, но факт: ублюдок попал в десятку. Скарлет глядела вокруг как зачарованная. Ворковали ночные птицы, в воздухе витали ароматы диких цветов и трав. Закат разукрасил все вокруг в удивительные сине-сиреневые тона.

Гидеон расположился подле нее на моховом ложе, привалившись к стволу дерева. Ему на глаза вновь упала прядь волос, и Скарлет, как и в прошлый раз, едва устояла перед искушением убрать ее на место. Взгляд пронзительно-синих глаз был прикован к ней.

«Какой странный взгляд... – подумала Скарлет. – Пытается вспомнить?»

Руки воина, сжатые в кулаки, лежали на коленях. «Интересно, он хочет дотронуться до меня, но сдерживает себя? – спрашивала себя она. – Боги, помогите мне!»

Она слишком хорошо знала, на какие вершины блаженства способен был вознести ее этот человек, орудуя руками и языком. Извиваться и умолять она начинала уже через считанные секунды.

«Соберись! Не поддавайся его чарам!» – в который раз приказала себе Скарлет.

– Может, все-таки отпустишь меня? – спросила она и тут же мысленно добавила, обращаясь к самой себе: «А сама-то как? Может, все-таки уже смотаешься от него?» – Мое общество не принесет тебе ничего, кроме огорчения.

– Уверен, ты не ошибаешься, – отозвался Гидеон искренне, но в то же время чуть насмешливо.

«Святые небеса! Он в самом деле задумал переспать со мной, – удивилась Скарлет. – И, судя по всему, совсем не сомневается в успехе. Ну почему это кажется мне таким чертовски возбуждающим?»

Опасаясь того, что в ее глазах Гидеон прочтет желание, женщина хищно прищурилась.

– Раз тебе нужны от меня ответы, к чему вся эта романтика? – ехидно поинтересовалась она. – Кулаки сослужили бы тебе куда лучшую службу.

«Отлично», – мысленно похвалила себя Скарлет, заметив, что ее голос прозвучал резко и зло. Со стороны невозможно было догадаться, что у нее перехватило дыхание и каждое слово давалось ей с огромным трудом.

– Я еще не думал об этом, – признался Гидеон.

«Он собирался избить меня? – удивилась Скарлет. – Да как... как...»

– Но понял, что смогу поднять на тебя руку.

«Просто душка! – подумала женщина. – О боги! Я полная идиотка! Таю, как масло, от признания в том, что он хотел меня избить, да рука не поднялась... Что дальше? Услышу пение ангелов, когда муженек заявит, что подумывал заколоть меня вилкой, но потом отказался от этой мысли?»

– Ничто не развяжет мне язык – ни романтика, ни кулаки, – заявила она вслух. – Так и знай.

Женщина блефовала. И молилась только об одном: лишь бы Гидеон об этом не догадался.

– Но почему? Ведь все, чего я не хочу, – чтобы мы лучше узнали друг друга. Ты разве этого хочешь? – спросил воин.

«Да! – проносилось в голове Скарлет. – Нет! Черт!..»

«Довольно! Не смягчаться!» – прогремел мысленный приказ.

– Я предпочла бы забыть!

Гидеон скрипнул зубами. Затем выпрямил ноги таким образом, что колени Скарлет оказались зажаты между его голеней. Она с ужасом осознала, что ее ступни уперлись ему в пах и член тут же стал с чудовищной скоростью набухать и твердеть. Если бы не брюки... какое счастье, что он в брюках!

– Кто ты сегодня? – спросил он, предусмотрительно меняя тему беседы.

Внутренний голос бил тревогу: «Ударь его! Пусть прекратит соблазнять тебя! Если не остановишь его, тебе конец!»

– Скарлет... Рейнольдс. – Она слегка вздрогнула, как будто от удовольствия. – Да. Сегодня я в настроении отведать милашку Райана.

Гидеон на мгновение оскалился.

– Мы же вроде не женаты! – прорычал он.

– Ну да, – согласилась она. – Но я мысленно наставляю тебе рога с Райаном.

Воин провел кончиком языка по зубам.

– Ты такая шутница!

– А кто сказал, что я шучу?

Скарлет глазом моргнуть не успела, как он оказался поверх нее, навалившись всей своей массой и вдавив ее в мягкий мох, почти полностью лишив возможности двигаться.

– Ты даже не представляешь, насколько сильно меня радуешь, – заявил он.

По позвоночнику Скарлет покатились дрожь. Соски затвердели и отчетливо проступили под платьем, будто устремляясь к Гидеону. Одно движение – и она бы скинула его с себя. У нее бы достало и сил, и сноровки. Но вместо этого она схватила его за горловину футболки и сильнее притянула к себе. Внутри разгоралось пламя желания...

– Радую? А вот ты меня бесишь!

Грудь Гидеона тяжело вздымалась и опускалась, ноздри раздувались.

– Еще одно слово, и...

– И что?

От него чертовски приятно пахло – терпко и пряно. Тепло его тела обволакивало, кружило голову.

– И...

Его взгляд переместился на ее губы. Гнев исчез, уступив место совсем иным чувствам. Грудь продолжала тяжело ходить вверх-вниз. И между двумя шумными вдохами он хрипло сказал:

– Ты такая непередаваемо... страшная. – Последнее слово он произнес неуверенно, с запинкой, будто страхась быть неправильно понятым. – Я смотрю на тебя и не испытываю муку. Меня не сжигает страсть. А сердце не разрывают желания до того непристойные, что нельзя и передать.

Скарлет была в полном смятении.

«Поцелуй его!» – нашептывало сердце.

«Нет, не смей!» – горячился разум.

Борьба между этими двумя составляющими ее натуры шла не на жизнь, а на смерть. Скарлет понимала: если она поцелует Гидеона, то уже не сможет остановиться. Едва их губы

сольются, она сгинет, утонет в их сладости. Его запах, вкус, тело – они влекли ее, точно мед пчелу. «До чего же хочется снова попробовать их! – проносилось в голове женщины. – Пусть всего лишь один раз. Единственный раз...» Она была готова отдать за это все что угодно. «И отдам, – решила Скарлет. – Но потом. А сейчас, пока длится эта благословенная ночь, мы будем принадлежать друг другу, совсем как прежде. Заботы, страх, одиночество – все сгинет в его нежных ласках. Сгинет... забудется...»

«Забудется? – поинтересовался голос разума. – Неверное слово...» В голове прояснилось. Скарлет напряглась и гневно потребовала:

– А ну-ка слезай с меня!

– Я хочу сделать тебе очень больно, – прошептал Гидеон, обжигая ее кожу горячим дыханием. – Ну же, скажи, чтобы я остановился.

Скарлет расшифровала: он хочет доставить ей райское удовольствие, и все, что от нее требуется, – это дать знак, что она согласна. Женщина отчаянно мотнула головой, пытаясь отогнать наваждение, которое могло стоить ей слишком дорого.

– Нет, не скажу! – заявила она.

«Минуточку... – пронеслось в ее голове. – Почему я не могу сказать ему, чтобы он остановился? О боги!»

Губы Гидеона медленно растянулись в лукавой улыбке. Именно такого ответа он и ждал. И ему было совершенно не важно, что на самом деле хотела сказать собеседница.

– Очень плохо, – прошептал он.

И впился своими губами в ее уста.

Глава 6

«Святые небеса!» – пронеслось в помутневшем сознании Гидеона.

Его и Скарлет языки сошлись в яростном противоборстве. Они толкали друг друга, напирали, скользили.

«Что за удивительная женщина! – думал Гидеон. – На вкус она похожа на гроздь спелых ягод, а если прикоснуться к ней, кажется, будто твое тело жжет небесный огонь». Звуки ее прерывистого дыхания будоражили кровь намного сильнее, чем смесь героина с амброзией.

Гидеон лежал поверх своей спутницы, разместив ноги между ее чуть согнутыми коленями. Возбужденная плоть упиралась в самый низ ее живота. «До чего же хочется стиснуть ее груди! О боги всемогущие, нет никаких сил терпеть! – размышлял Гидеон. – Но это будет чересчур. По крайней мере, пока». Поэтому он сделал единственное, что мог себе позволить, не перегибая палки, – поймал ее запястья и отвел назад, за голову. Это было ошибкой. Из-за отведенных рук спина Скарлет чуть выгнулась, и ее бюст оказался вплотную прижат к его грудной клетке. Сквозь футболку Гидеон чувствовал, как ее твердые, напряженные соски вонзились ему в кожу. Это вознесло его на качественно новый уровень восприятия действительности, тот опасный уровень, на котором счастье и удовольствие партнерши оказываются важнее всего, а твои собственные отходят на задний план.

Однако отступать было поздно. Гидеон хотел большего. Ему нужно было сделать еще хотя бы один малюсенький шаг вперед.

«Вот бы защемить эти дивные соски, покатаь между пальцами, – продолжал мечтать он. – Или припасть к ним губами, потрогать языком. Но этого нельзя. А вот потереться о них можно». Воин стал осторожно перемещать корпус. Помимо всего прочего, с каждым таким движением его набухшее естество все теснее вжималось в промежность Скарлет, заставляя обоих дрожать и постанывать.

Вообще-то Гидеон прохладно относился к поцелуям, наверное, из-за того, что не мог донести до партнерши своих истинных желаний. Каждый раз ему приходилось врать и просить обратного – нежности, невинности, мягкости. Со Скарлет же все было иначе. Он вообще ничего ей не говорил и ни о чем не просил. Ее язык сам собой стал действовать жестко, решительно. Они буквально вгрызались друг в друга, бились зубами, впихивали языки друг другу чуть ли не в самое горло, но все никак не могли друг другом насытиться.

Поцелуй длился целую вечность. На небо выплыл диск луны, в траве застрекотали сверчки. А поцелуй все никак не кончался.

Гидеону не хватало воздуха, он почти задышался. Женское тело под ним трепетало и яростно извивалось. Внезапно Скарлет обвила его ногами, с силой прижав к себе, и принялась слегка покусывать его губу, давая понять, что хочет большего.

И все же, несмотря на эту немую мольбу и стоны, она казалась отстраненной. Всем своим существом Гидеон ощущал, что она не отдается происходящему полностью. «Ну уж нет! – решил он. – Этого я точно не потерплю». Заходить слишком далеко он не собирался, но поклялся, что к концу поцелуя Скарлет будет думать только о нем, что она станет благословлять судьбу, которая когда-то свела их, мечтать о нем, желать его, как никогда не желала никого другого.

«Интересно, что мы чувствовали много тысяч лет назад, оказавшись вместе? – размышлял мужчина. – Наверное, то же, что сейчас. Страсть? Испепеляющий жар, от которого все тело охватывает нестерпимая мука?»

Воин отпустил одну руку Скарлет, и она тотчас же запустила свои тонкие пальчики в его волосы. Ногти впились в кожу головы, скорее всего, до крови. «Да! Да! Еще! – мысленно ликовал Гидеон. – Возможно, мы могли бы зайти еще чуточку дальше. Но для этого придется

пожертвовать поцелуем». Мысли Гидеона путались, разум и тело отчаянно сопротивлялись, и все же он нашел в себе силы отстраниться от сладких губ женщины. Ее веки были опущены, а красные губы слегка опухли и были влажными от поцелуя. Не в силах противостоять соблазну, воин слизал кончиком языка капельки этой подобной нектару влаги. Затем он протянул руку к подолу платья Скарлет и стал медленно его поднимать. Миру предстали ее трусики, живот и, наконец, грудь. Он не купил ей бюстгалтер – слишком большое удовольствие ему доставляла мысль о том, что, когда она выйдет из ванной и сядет возле него, лишь тонюсенький слой хлопка будет отделять ее соски от его нескромного взгляда.

У Скарлет были восхитительные груди, в обхвате чуть меньше ладони. Затвердевшие соски алели, как губы. Гидеон глянул на них, и его рот наполнился слюной. Сама мысль о том, чтобы присосаться к одной из этих дивных ягодок, была подобна мистическому переживанию. Когда же его язык на самом деле ощутил тепло и твердость соска, ему показалось, будто все его тело объяло адское пламя. Кипящая кровь в одночасье обратила внутренности в пепел, жар которого растопил кости, а затем начал прожигать изнутри кожу.

Очевидно, Скарлет ощутила примерно то же самое, ибо она не смогла сдержать крик наслаждения. И сколько в нем было чувства! Такой крик невозможно подделать. Гидеон понял, что теперь она принадлежит ему полностью, до последнего закоулка души. Для него этот крик стал сладчайшей музыкой. Но за ним последовали другие. Тысячи голосов наполнили ночной лес воплями ужаса и боли.

– Гидеон, – выдохнула Скарлет.

Он поднял голову. Ее глаза были зажмурены, в каждой черточке лица сквозило страдание. Из ушей и рта сочились густые черные тени, которые затем извивались струйками вокруг головы, сбивались в клубы.

Гидеон понял, что так проявляет себя демон Скарлет.

Сам он вернул себе власть над своим телом и поступками много столетий назад, поэтому Ложь почти не доставлял ему неприятностей. Он знал: демон здесь, с ним, но его присутствие едва ощущалось. По крайней мере, так было раньше. С появлением в его жизни Скарлет все изменилось. Однако до этого демон редко с ним заговаривал или тем более начинал бушевать. Если же твари становилось что-то очень уж нужно, она просто воздействовала на него физически.

«Что нужно демону Ночных Кошмаров? – недоумевал воин. – Почему и зачем он вдруг устремился наружу?»

– Как я не могу тебе помочь, сволочь? – спросил он.

Гидеон попытался слезть с нее, чтобы хоть чем-то облегчить ей жизнь. Но Скарлет вдруг резко открыла глаза, неожиданно оказавшиеся не черными, а цвета адского пламени, схватила его за ворот и с силой рванула назад.

– Какого это хрена ты творишь? – Голос был едва узнаваем. Слова звучали хрипло, резко и больше напоминали рык дикого зверя, чем человеческую речь. И в каждом из них был отчетливо различим устрашающий призыв – все те же разрозненные вопли. – Слушай нас внимательно. Посмеешь умыть руки – пожалеешь, что появился на свет.

«Нас? – удивился про себя мужчина. – Так вот чего хочет ее демон? До такой степени с ней сроднился, что тоже воспылил ко мне страстью? Ну ладно...» Гидеону было не впервой заниматься любовью втроем. Но что-то ему подсказывало, что этот раз определенно запомнится ему больше остальных.

«Так, сейчас нет времени рефлексировать и удивляться», – мотнул он головой.

Скарлет отняла руку от ворота и ногтем, теперь, впрочем, больше походившим на коготь, вспорола футболку на его груди. Затем накрыла ладонью один из его проколотых сосков и облизнула губы.

– Еще, – простонала она все тем же жутким голосом и выгнулась дугой.

Ее промежность терлась о пах Гидеона, отчего он лишился способности соображать. Его естество разбухло до такой степени, что молния джинсов не выдержала яростного натиска и сама собой растянулась. Еще мгновение – и ни клубящиеся тени, ни крики были уже не в силах смутить воина. Он желал эту женщину, и это желание заслонило от него весь остальной мир.

«Никакого секса, – напомнил он себе. – Не сейчас».

Ему по-прежнему казалось, что будет перебор. Не хватало, чтобы Скарлет потом плакала и обвиняла его во всех смертных грехах и отдалилась еще больше.

– Чего ты ждешь? Пошевеливайся! – приказала женщина.

«Какая нетерпеливая!» – восхитился Гидеон. Обычно женщины, наоборот, жаловались, что он переходит к делу слишком быстро.

– Гидеон!

– Да, да. Но для начала не показывай мне, чего именно ты хочешь, – предложил он.

Как зачарованный он наблюдал, как Скарлет стиснула и принялась массировать свои груди, совсем так, как он недавно мечтал, но не осмелился. Пряди шелковистых черных волос, в беспорядке лежавшие на плечах и груди, пришли в движение, обвивались вокруг тонких пальцев, шекотали нежную кожу. Скарлет прикрыла глаза. Ее белоснежные зубы закусил нижнюю губу. Одна ее рука медленно скользнула вниз, пальцы отодвинули тонкую ткань трусиков и проникли под нее. «Господи, до чего же она сексуальна!» – подумал Гидеон. Ее плоский живот венчал самый чувственный из всех пупков, какие Гидеон когда-либо видел, а бедра переходили в длинные аппетитные ножки.

– Ты доволен? Я показала, теперь – твой черед.

Гидеон отмер, ухватил платье, собранное у шеи, стащил его через голову и бросил на землю.

– Сильнее сведи колени, – хрипло велел он.

В первое мгновение, забывшись, женщина поняла его буквально и плотнее прижала колени к его бедрам. Однако, почувствовав, как он толкает ее колено, поняла свою оплошность и, насколько хватило связок, развела ноги в стороны. Гидеон ненадолго замешкался, любуясь ею. Он уже видел ее такой. Открытой, готовой принять его. Ошибки быть не может. Зрелище не казалось ему новым, он будто носил этот образ в себе долгие годы. Наглядевшись, Гидеон запустил руку Скарлет в трусики и заставил ее убрать пальцы. Затем он опустил голову и погрузил язык в теплые влажные складки. И вот странность: этот вкус был новым. Его он совершенно не помнил. Но... о, боги! Какой сладкой она была! Какой пьянящей! Этот вкус наполнил его рот, проник в каждую пору, каждую клеточку тела, приведя в полное неистовство все пять чувств.

– Гидеон! Пожалуйста! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! – настаивала Скарлет уже своим голосом.

– Еще! Ну же! Ну! Немедленно! – вторил ее демон.

«Удивительно, как мало времени мне потребовалось, чтобы научиться их различать», – успел поразиться воин.

Дважды Гидеона просить не пришлось. Он поудобнее лег на живот, так чтобы лицо оказалось точно около средоточия ее чувственности, и принялся претворять в жизнь мечты, что бередили его кровь с тех пор, как Скарлет оказалась у них в подземелье. Он лизал, сосал, покусывал; массировал языком нежные складки; погружался глубже и снова выныривал. Когда же этого ему показалось мало, в ход пошли пальцы – один, второй, третий. Затем Гидеон немного подождал, чтобы она привыкла и чтобы, не дай бог, не сделать ей больно. Когда это произошло, Скарлет принялась энергично, с самозабвением двигать тазом. Она выгибала спину, дергала его за волосы, впивалась когтями в макушку. Гидеон блаженствовал и никак не мог ею насытиться.

«Вот бы этот рай на земле длился вечно!» – в восторге думал он.

Воин чувствовал, что эта женщина способна стать проводником в мир его самых дерзких, самых тайных фантазий. Было много такого, о чем он всегда мечтал, но ни разу не претворял в жизнь. Даже не будь демона, который принуждал его ко лжи, он едва ли дерзнул бы откровенничать с кем-то из своих партнерш. Большинство женщин нашли бы его фантазии возмутительными, и это было вполне объяснимо. Большинство мужчин, пожалуй, подумало бы так же. Но Гидеон топтал небеса, а затем землю настолько долго, что все обычное ему давно приелось и не вызывало никаких эмоций. И вот на его жизненном пути встретилась Скарлет. Гидеон был почти уверен: она пошла бы навстречу его фантазиям, более того, сама получила бы от их претворения в жизнь искреннее удовольствие. Она ведь тоже прожила очень долгую жизнь...

«В любом случае пока не время», – напомнил себе воин.

Он хотел дать ей понять, что не зайдет дальше, прежде чем она будет готова морально и физически. Хотел показать, что ему можно доверять, что ее тело, равно как и ее тайны, с ним в полной безопасности.

Гидеон и сам уже не знал, солгал он сейчас себе или сказал правду.

– Гидеон, Гидеон! Да, вот так! Не останавливайся! То, что ты делаешь... о боги! До чего же мне хорошо!

Все ее тело напряглось. Голос звучал с надрывом. Она явно готова была достигнуть предела.

«Ну нет, только вместе со мной», – подумал Гидеон.

И обвил влажными после Скарлет пальцами свою напряженную, горящую плоть. Затем он снова припал губами к ее чувствительному центру, не переставая интенсивно ласкать свое естество. «О да! – пронеслось в его голове. – До чего же хорошо!» Его напряженный язык погрузился в горячие складки на всю длину. Скарлет изогнулась дугой. Напряжение во всех мышцах ее тела нарастало. Ее лоно сжалось, и язык Гидеона оказался будто в тисках. Скарлет свела колени, сжав ими его виски с такой силой, что казалось, будто еще немного, и голова лопнет, как орех. Но ему было плевать. Он сделал это – доставил ей удовольствие. Сделал так, чтобы она смогла полностью раствориться в экстазе.

Гордость и чувство собственности охватили Гидеона, когда он вкусил сладость ее оргазма. Рука, сжимавшая его достоинство, двигалась все более быстро и порывисто. Тело свела судорога экстаза. Гидеон со стоном взвился вверх и едва не рухнул на Скарлет, но вовремя выбросил вперед вторую руку и уперся в мох за ее плечом. Она лежала все так же, с полуприкрытыми глазами, тяжело и шумно дышала. На ее лбу блестели капельки пота, из уголка распухших губ подтекала тоненькая струйка крови. Каждая клеточка тела Скарлет излучала полное удовлетворение.

«Моя», – только и успел подумать Гидеон.

Чувственная волна с головой накрыла его, и он изверг семя ей на живот. Наверное, стоило сделать это в сторону, но в то мгновение ему было уже не до этого. Да и, говоря по правде, мысль о том, что они соединены теперь еще и этим, грела ему душу. Мутная клякса на животе Скарлет представлялась в его глазах чем-то вроде клейма собственника. «В конце концов, это справедливо, – решил Гидеон, – ведь частица ее попала внутрь меня – в рот, в кровь, в каждую клеточку. Пускай что-то мое будет если не в ней, так хотя бы на ней».

Опорная рука подломилась, и Гидеон упал на Скарлет. Силы покинули его, руки и ноги отказались повиноваться. Воздуха не хватало. Все, на что воин в это мгновение был способен, – вновь и вновь переживать случившееся: вздохи, звуки, вкус, ощущения. «Наверное, – думал Гидеон, – Скарлет сейчас испытывает то же. Ее мысль течет лениво, сердце обмякло». Мужчина не сомневался: если он сейчас спросит ее о чем угодно, то получит искренний ответ.

– А ну-ка слезай с меня! Чего развалился? – воскликнула Скарлет и спихнула его.

«Минуточку... – вынырнул Гидеон из счастливых раздумий. – Что?»

Немного озадаченный внезапным отпором, воин перекатился на спину и стал лениво наблюдать за Скарлет. Тени вокруг нее рассеялись, крики смолкли. Она поднялась и решительно направилась к побулькивающему источнику. Взгляд Гидеона упал на татуировки, но из-за темноты их было сложно рассмотреть.

«В следующий раз, – проползла в голове рассеянная мысль, – я покрою поцелуями эти татуировки».

Обнаженные ягодички, округлые, упругие, будто созданные для того, чтобы их щупать, призывно белели в темноте. Их Гидеон как раз видел прекрасно. И на ум ему приходило лишь одно слово: «совершенство».

«Почему я их не погладил?» – удивился он.

Скарлет молча зашла в воду, погрузилась в нее по плечи и только тогда наконец повернулась к нему, избегая, впрочем, смотреть в глаза.

– Ты... очень медленно пришла в себя, – сказал Гидеон, садясь и запустив руку в и без того всклокоченные волосы.

– А разве было после чего приходиться в себя? – едко отозвалась Скарлет.

Гидеон вытаращил глаза, едва не задохнувшись от обиды и возмущения. «Что она такое говорит? – спрашивал он себя. – Ей не понравилось? Демон, как всегда, молчит, но и без него ясно как божий день: она нагло лжет. Скарлет получила огромное удовольствие. Извивалась, кричала. Умоляла, черт возьми, не останавливаться!» Рыча, воин вскочил, но тут же приземлился назад, сделав вид, что потерял равновесие, тогда как на самом деле у него попросту подкосились ноги.

«А вот я еще явно не пришел в себя...» – раздраженно подумал он и резким движением содрал с себя то, что осталось от футболки, стянул брюки к лодыжкам. «Вот блин! – пронеслось в его голове, и гнев исчез. – Ботинки! Я не разулся. Это была наша первая близость, а я забыл снять ботинки. Что я за герой-любовник такой после этого?» В сторону полетел сначала один ботинок, а затем и второй. Гидеон осторожно поднялся, снова едва не упав, и высвободил ноги из джинсов. Отцепил оружие, в изобилии закрепленное на его теле. И только тогда, нагой, пристыженный из-за промаха с ботинками, последовал за Скарлет к источнику и сел возле нее. Над поверхностью воды клубился пар. Теплая вода приятно обняла его уставшее тело.

– Что ты делаешь? Тебя никто не звал, – возмутилась Скарлет и отодвинулась от Гидеона, насколько позволяли размеры крошечного источника.

Он с достоинством выдержал испепеляющий взгляд прекрасных глаз, которые опять стали черными.

– Между прочим, я мог доставить тебе гораздо меньше удовольствия, – проворчал он. – Где мое «проклятье»?

– Вот оно, – ухмыльнулась Скарлет и показала ему средний палец. – И да, я знаю, что ты мог доставить мне гораздо больше удовольствия. – Рука опустилась в воду, голова слегка наклонилась набок, взгляд сделался еще более испытующим. – Так почему же не доставил?

«Вопрос с подвохом, – понял Гидеон. – Примерно из той же серии, что и пресловутое «Я выгляжу толстой в этих брюках?», только гораздо хуже. Правильного ответа на него не существует. Если я скажу, что она не была готова, Скарлет отрежет: «Откуда тебе знать, к чему я готова, а к чему – нет. Ты меня вообще почти не знаешь». Я признаюсь, что очень хотел близости с ней. И тогда она засыплет меня остротами или расспросами о том, вспомнил ли я ее теперь. Самое время сменить тему...»

– Может, отодвинешься дальше? – предложил он и поманил ее пальцем.

Упрямо мотнув головой, Скарлет отозвалась:

– Я бы рада, да берег мешает.

У Гидеона дернулся глаз. «Черт возьми! – в очередной раз выругался он про себя. – Если она не придвинется, я не смогу ее обнять». А ему этого нестерпимо хотелось.

– Ты меня не поняла, Скар.

– Слушай, – с нажимом проговорила она. Камни на кулоне, висевшем у нее на груди, мерцали и переливались в серебристом лунном свете, пробивавшемся через густые кроны деревьев у них над головой. – Что случилось, то случилось. Мы не можем этого изменить. Но давай сделаем все, чтобы это было в первый и последний раз.

Гидеон уставился на нее с открытым ртом, не в силах произнести ни слова. «В первый и последний? – мысленно возмутился он. – Как? Почему?»

– Нам не стоит поддерживать близкие отношения... – продолжала Скарлет, будто читая его мысли. – Первая попытка закончилась неважно, вторая принесет еще больше горя.

– Откуда тебе не знать?

Гидеон приподнялся, чтобы придвинуться к ней. Он хотел встряхнуть ее, сказать, что она не ясновидящая, а говорит с такой поразительной убежденностью. Но Скарлет вытянула ногу и уперла ему в плечо.

– Оставайся, где сидишь.

Ее глаза полыхнули красным, точно рубины на кулоне. Демон снова напомнил о себе. Как понял Гидеон, тот ему симпатизировал, более того – вожелел. «Означает ли это, что Скарлет сейчас сопротивляется желаниям не только собственного тела, но и демона?» – спросил себя воин и покорно опустил обратно на камни. Но когда женщина попыталась убрать ногу, удержал ее за лодыжку.

– Пусти!.. – потребовала она, но затем добавила: – О боги! Не отпускай!

Гидеон приложил свои большие пальцы к своду ее стопы и принялся ее массировать. Скарлет безвольно откинулась на каменистый край источника, блаженно запрокинула голову.

– Я совсем не стараюсь... – проговорил воин. «Святые небеса, да я на самом деле еще ни разу в жизни так не надрывался! – подумал он. – Вспомнить, загладить свою вину перед тобой».

Не переставая постанывать от удовольствия, Скарлет отозвалась:

– Тебе не нужна я. Тебе нужны ответы.

Этого он не мог отрицать. Ответы его действительно интересовали. Но чем больше времени они проводили вместе, тем больший интерес пробуждался в нем к ней самой.

– Расстаться – значит умереть... – задумчиво протянул он.

– Для тебя это просто глупые слова, которые ничего не значат.

«Есть такое, – подумал Гидеон. – Но ее-то память никто не стирал. Как можно быть такой безжалостной, нечуткой?»

Стараясь не выдать своего раздражения, он попросил:

– Не давай мне хоть что-то. Хотя бы одну, самую огромную, зацепку.

Несколько минут прошли в тишине. Гидеон продолжал массировать ей стопу, а она – блаженствовать. Он уже отчаялся было дождаться ответа, когда Скарлет наконец тяжело вздохнула, и в этом звуке слышалась целая гамма чувств.

– Как-то раз ты привел в Тартар нового узника – бессмертного, который пытался убить Зевса, чтобы самому занять небесный престол. Ты вел его к камере и вдруг увидел, что я сцепилась с кем-то из богинь. – Скарлет наморщила лоб. – Не помню, с кем именно, знаю только, что она была высокой и светловолосой.

«Высокая и светловолосая? – стал размышлять Гидеон. – Под это описание подходят тысячи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.